

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

даром

СОФИЯ ЭС

16+

София Эс

Сердце ведьмы даром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322402

SelfPub; 2021

Аннотация

Сэдрик Файт – потомственный маг с безмерным кошельком и феерическим самомнением. Малина Стэр – ведьма. Просто ведьма и настоящая заноза в аристократической заднице некоторых. Ибо нечего! А то распустилось Его Бешенство! Что может быть у нас общего? Ни-че-го! Ничего! Я категорично настаиваю! ...До той поры, пока не придется выбирать, чья жизнь дороже. Да – едкостям и колкостям! Нет – печалям и сожалениям! И пусть победит любовь!

Содержание

Глава 1. Малина Стэр	4
Глава 2. Малина Стэр	14
Глава 3. Малина Стэр	21
Глава 4. Малина Стэр	31
Глава 5. Сэдрик Файт	41
Глава 6. Сэдрик Файт	52
Глава 7. Малина Стэр	65
Глава 8. Малина Стэр	76
Глава 9. Сэдрик Файт	84
Глава 10. Сэдрик Файт	92
Глава 11. Малина Стэр	104
Глава 12. Малина Стэр	113
Конец ознакомительного фрагмента.	119

София Эс

Сердце ведьмы даром

Глава 1. Малина Стэр

– Воннн!.. – злое эхо разлетелось вдоль стен нашей библиотеки.

Пространство зала поглотила тень, а за ее спиной с грохотом закрылась распахнутая ударом ноги дверь.

Возмущённо задрожали витражные стекла, загудели высокие стеллажи, зашелестели древние фолианты.

– Но... – попыталась возразить смотрительница зала.

Нирочка. Приятно кругленькая, уютно-ароматная.

В ее смену мне работалось комфортнее всего, и даже самый паршивый день обретал светлый смысл.

– Пошли. Все. Вон!

Яростная пощечина смела неугодных прочь.

Оторопевшее эхо ещё какое-то время металось между бетонных колонн, надеясь затеряться среди купольных сводов, однако, в итоге утихло и оно.

В академической библиотеке этим хмуро-зимним воскресным утром остались только мы: я, мое храбро боящееся сердце и он – Сэдрик Файт, одним рыком разогнавший весь читательский бомонд.

Откровенно говоря, я бы тоже мечтала оказаться от Его Бешенства подальше, прихватив с собой и отважно замершее сердце, вот только рабочие обязанности не позволяли. Моя должность помощника библиотекаря предписывала в данный час находиться за стойкой обслуживания, и отойти я могла исключительно по сверхважному поводу.

Нежелание встречаться с Сэдриком Файтом – магом в каком-то там дватом колене, надеждой и брекватером всего континента от безжалостных тварей Великой Пустоши – к сверхважным поводам администрацией академии не причислялось, а вот в моем личном рейтинге этот пункт шел в первой тройке, приравниваясь к прямой угрозе жизни.

– Ты!.. – рявкнуло Его Бешенство.

– Вы, – сердце тряслось в обнимку с поджилками, но этикет был в меня вбит с малых лет. Интернат и ни к такому обяжет.

– Тыыы! – степень недержания возмущения достигла у мужчины апогея.

Я лишь поправила каштановые волосы, взлохмаченные поднятым от его рева ветром, незаметно вытерла вспотевшие ладошки о клетчатую юбку и направилась к входным дверям библиотеки.

– Прикрою, а то сквозит.

Сказала и напряглась всем вниманием, отслеживая затылком состояние маловменяемого посетителя.

Что ему на этот раз нужно?!

– А ну стоять! – очередное гроыхающее эхо потрясло купольные своды.

– Не нукай-ТЕ, не запряг-ЛИ!

Питекантроп недоделанный! Брюнетистая глыба под два метра ростом, на все головы родовым гонором ушибленная!

Серо-голубые глаза швырнули в мою сторону разрывную гранату, и рвано-шелестящие, предыханием сопровождаемые слова, всё-таки, вырвались из него наружу:

– Ттт... Тыыыы!

Отдышка у него, что ли?!

Может, травок ему предложить или валерьянки накапать? У Нирочки в нижнем ящике стола всегда запас имеется. С нашими-то академовскими вредителями никаких нервов на четкое соблюдение должностной инструкции не хватит!

– Ссс... Ссс!..

– Слушаю! – гаркнула я на его ссыкания, прерывая недооформившееся непотребство на корню, а после открыла настежь захлопнутую ранее дверь, ещё и креплением подперла (я ж не сумасшедшая, с этим психом неуравновешенным в тет-а-тете оставаться).

– Твоими молитвами, ссс... стервь, я лишился невесты! Практически жены! – выдало булькающее ядом одноклеточное и потянуло свои загребушие лапы к моей лебединой шее.

– Не то, чтобы моими, – сразу же осадил я задиру. – Помните Вы сами приложили к этому руку. Вернее... хмм... руку вместе с прочими неуёмными частями тела.

– Ууу... Уууддд...

– Удивлены? – форменные издевательства в комплекте с измывательствами продолжались. Ведьма я или где??

О, я – ведьма! В академии! Да на боевом посту! Моя территория, моя правда, моя сила!

И вообще, не я этого разбушевавшегося мужика сюда при-тащила, но, видимо, именно мне придется его отсюда выпроваживать. Он и так всех посетителей распугал, глядишь, с минуты на минуту куратор Дикинс заявится, а слушать его очередную замечательную тираду сил никаких нет: нахвата-ла я этих замечаний... по шею!

Да-да, ту самую, к которой один невыдержанный субъект во второй раз протягивает свои удушающие лапы.

– Цыц! – хлопнула словом по уже поднимавшимся конечностям, явно лишним у свирепствующего мага.

Ну ничему он у жизни не учится!

Я со счета сбилась зарубки наших бурных встреч на стенках памяти отмечать.

– Ввведьма! – презрительно выплюнуло покрасневшее от едва сдерживаемых чувств существо.

Вот те на те, маг в томате! Оскорбил ведьму ее сутью!

– Могу, умею, практикую! – с гордостью ухмыльнулась я во все зубы и наглым образом, походкой от точеного бедра, вернулась на свое рабочее место.

За библиотечарскую стойку.

Ровнехонько напротив одной разъяренной, аристократи-

чески вытянутой морды.

– Ууу... Уууддд...

– Да все я знаю про ваши затаенные желания! – без намека на какую-либо совесть махнула я рукой на чужие переживания и попытки их выразить. – Ну что же Вы, неуважаемый, с нашей ведьминской сестрой который год бок о бок учитесь и по-прежнему не разобрались в управляющих берегами?! Несolidно, право слово. Даже обидно несколько... чем вас, магов, только пичкают, если об основах забывают?!

Вспыхнувшая воронка сил, не сказать, чтобы стала для меня неожиданностью.

Да и наша перепалка, по-честному, – тоже не новость.

С того момента, как пятый курс магистрата отправили на повторное прохождение практики по экстренной медицинской помощи и этих увольней великовозрастных определили довеском к нашей ведьмовской целительской группе, мы регулярно схлестывались в поединках. Словесных и не только.

Я – ведьма, молчать не буду, а уж заносчивому снобу и вовсе с радостью хвоста накручу.

Но объективности ради, отмечу, что этот магией укушенный вурдалак цепляться начал первым. Не сиделось ему спокойно в золотых рядах аристократами избранных.

Заскучало Его Бешенство среди стерильных столов и медпрепаратов и пошло кислотным вниманием разъедать коллективные связи среди нашей женской группы.

Выглядел Сэдрик Файт истинным отпрыском древнейшей

ветви сильных магов. Высокий лоб, интригующие чуть сведенные хмуростью русые брови, нос с горбинкой и напряжённые серо-голубые глаза, но не те, что завлекают своей мягкостью и бездонностью, а те, что, как бетонная стена, налетев на которую вышибаешься духом и сбиваешься дыханием, – резкие, хлесткие, неподдающиеся.

Добавим к этому образу крепкую и гибкую осанистую фигуру, длинные изящные и вместе с тем убийственные в своей безжалостной хватке пальцы, натренированное сражаться тело.

Да, Сэдрик Файт был ярким представителем своего рода. Образование, власть, богатство, одежда, манеры...

Впрочем с последним у Файта наблюдались явные сложности...

И в этом он не доучился!..

Ко всему классически упакованному букету прилагался бонус – взрывоопасный характер, отчего за глаза Файта и прозвали Его Бешенство. По-моему, парень прекрасно об этом знал и с завидным упорством подтверждал выданное ему академическим обществом звание.

Регулярные стычки, магические поединки, словесные оплеухи окружающим. Файт развлекался в стенах учебного заведения, ни в чем себе не отказывая.

И при этом слыл первым женихом в нашей альма-матер.

Весьма разборчивым, крайне придирчивым и абсолютно непостоянным.

За право греть его бок женское сообщество академии сражалось день и ночь. В кошачьих схватках летали волосы, разорванное белье и отголоски заклинаний.

Не миновала эта участь и мою учебную группу.

Стоило Сэдрику Файту взойти на помост аудитории целителей, где мы, ведьмы второго курса, по самые глаза погруженные в стерильные медкостюмы, отрабатывали на фантомах-симуляторах базовые хирургические приемы, как волну удивления, восторженной радости и восхищения сменила постоянная гонка за благосклонностью аристократа.

Дружеские связи были отброшены за ненадобностью, совместные планы расстроены, прежние увлечения забыты.

А гадский Файт не просто был непротив столь многомерного женского внимания, он ещё и подначивал, раззадоривал, провоцируя на пари и делая ставки.

Подпольный тотализатор стал финальной каплей в и без того мизерную кофейную чашечку ведьминского терпения. Когда очередной спор коснулся уже моей соседки по комнате, я, до селе молча отсиживающаяся в стороне и наблюдающая за творящейся вакханалией со свойственным мне принципом невмешательства в чужую волю и выбор, не выдержала.

Сначала честная ведьма предупредила горе-любовника по-хорошему и вежливо попросила убрать свой всякий стыд потерявшие лапы от Вилки. Вообще соседку звали Висолкасити Риатош, но для своих она была Вилкой. Моей близкой

подругой. Единственной, между прочим.

Ну а Файт на прямо высказанную просьбу лишь пакостливо рассмеялся и предложил мне отработать смену за свою подружку.

Мне?!

Отработать?!

Смену! В его! Постели?!

...Сволочь аристократическая, ведьмой непуганная.

Понятно, что магического гада я послала на нашем задущевном далеко и надолго. Припечатала сверху повелением эректильной дисфункции. Благо, еще сдержалась и не прокляла на месте, пришлось бы лишний раз объясняться с куратором Дикинсом.

Не, тогда я сдержалась.

А Файт – нет.

Ставки сработали, Вилка сначала порхала, а потом рыдала.

Я пробовала с ней поговорить, успокоить, однако, тщетно. Подруга вырывалась, кричала и обвиняла в произошедшем меня.

Меня!

И все потому, что озабоченный на все части крепкожильного организма Сэдрик Файт, едва затащив Вилку в постель, тут же выставил ее вон.

Без каких-либо объяснений и обещаний продолжения.

Ну да, не дело это высшим объясняться с обслугой!

А потом, спустя пару дней, когда-таки до Его Бешенства дошло, кто же обеспечил ему состояние нестояния и вынужденный целибат, Файт обрушился всей своей мощью на нашу комнату в общежитии.

Почему на комнату?

Она оставалась единственным местом, куда вход посторонним был действительно запрещен, и как бы ни стремился поймать меня могучий и немогущий маг, преодолеть препятствие в виде зачарованных стен, дверей и окон ему было не под силу.

Целую неделю я не покидала свою комнату, забив на сытное столовское питание, учебу, работу и практику.

Хорошо, что во всей организовавшейся кутерьме нашлись те, кто вместо помощи Файту решил проявить солидарность и моей персоне. А вернее, кто решил проехаться по самолюбию зазнавшегося аристократа за мой счет.

К моему удивлению этими добрыми душами оказались все домовики и домовушки, а также две магички со старших курсов. Они-то регулярно и снабжали меня едой, информацией, нужной для учебы литературой. То, что преподаватели и куратор спустят с меня семь потов во время проверки знаний по пропущенным темам, я не сомневалась и доли секунды.

Файт за минувшие семь дней притащил к моим дверям, казалось, всех: от студентов-взломщиков до куратора Дикинса, но даже последний не смог заставить меня выйти из

спасительного укрытия. Проще было вынести сто часов самой паршивейшей отработки, нежели встречаться лицом к лицу с несостоятельным магом.

С соседкой за это время мы так и не восстановили отношения. Вилка ходила в слезах, игнорируемая кумиром и, даже более того, изрядно раздражающая его своим свободным пропуском в нашу комнату.

По истечении семи дней сказанное ведьмой повеление потеряло силу, и Файт убрался восвояси.

А я, наконец, выйдя за пределы комнаты общежития, встретила с новой реальностью. В ней отныне были я, Сэдрик Файт и его страстное желание отомстить ведьме.

Глава 2. Малина Стэр

Месть мага была скоротечной.

В том смысле, что теперь тикать и уклоняться от неприятностей мне приходилось весьма скоро.

Промедления и заминки несли за собой публичные и массовые осмеяния, осквернения, истязания и прочие изуверские последствия.

В тот же день, когда я покинула свое убежище, а Сэдрик Файт обрел крепко стоящего и основательно оголодавшего друга – так, по крайней мере, выглядело со стороны, учитывая ту частоту, с которой маг менял партнёров, – все мои вещи покинули свои насиженные места в родной комнате и стаями кочевых птиц разлетелись по территории академии. Видимо, из-за принадлежности к отряду пернатых и куцего ума в малых черепных коробках во время перемещения тетради, учебники и то ничтожное количество одежды, что у меня имелось, подверглись надругательствам и разрушению.

Их буквально растрепали, выпотрошили и изгадили. Изгаждали в самых разных смесях, жидкостях и смолах.

Уж лучше бы сразу сожгли, право слово, меньше было бы мороки.

Во время неожиданной миграции моих пожитков, организованной, безусловно, моей соседкой Вилкой – ну а других вариантов и нет, ведь вход в комнату проверенно защищён

от проникновения посторонних лиц, – я объяснялась на ков-
ре у куратора Дикинса. Разговор был долгим, эмоционально
насыщенным и лишенным какой-либо справедливости. Ко-
нечно, с точки зрения ведьминского подхода: я права, пото-
му что я права, и зло должно быть наказано, ибо ненаказан-
ное зло плодится и размножается, как шиаторские пиявки
йооду, то есть мгновенно и неуправляемо.

После разговора с куратором Дикинсом, по всему вы-
шло, что злом, причём вселенским, оказалась я. Влепили
мне тридцать часов отработки в медкорпусе, десять штраф-
ных часов уборки территории и ещё семь долгих, самых от-
вратных, дней прислуживания в столовой.

Прислуживанием этот процесс назвала, конечно, я, тогда
как ничего унижительного в том, чтобы стоять на линии раз-
дачи, накладывать выбранные студентами блюда, подавать
напитки, не было.

Если бы не одно но!..

Гигантское "но" в моем случае.

На модульной раздаче будет стоять не кто-нибудь, а я –
мишень номер один для большинства из академической ту-
совки под предводительством аристократической задницы
Файта.

А значит, обычное "мне, пожалуйста, это блюдо и это, спа-
сибо" превратится в "принеси – подай – сама дура, я же ска-
зал, что мне нужно, а ты положила другое, идиотка". Итогом
может стать и разбитая тарелка (одна-вторая-третья), кото-

рую, конечно, убирать придется именно мне.

Готова спорить на ещё одно дежурство в столовой, что все "ой, я такая неловкая" и "это совершенно случайно вышло", опрокинувшие еду да ещё так феерично, что девочка с раздачи с каштановыми волосами и глазами цвета маренго будет в биомассах от лохматой макушки до пят, останутся безнаказанными. Ведь "ничего личного", просто "голова закружилась", "задумался", "меня толкнули", "оно само как-то вышло", "магнитные бури" и тому подобное.

Жизня...

Вурдалакова предстояла неделька! Хоть в разнос иди по силе и вскрывайся!

Вот только других студентов неконтролируемый выброс чистой силы мог бы еще спасти от предстоящего унижения, потому как после тревожного звонка родителям, их забрали бы на домашнее обучение, а уж когда вернули, то в академии была бы совершенно другая история, да и отношение кураторов к вскрывшимся осторожно-опасливое. Таких стараются обходить стороной и лишний раз не вовлекать в общественную деятельность, что уж говорить об отработках и штрафах.

К сожалению, в моем случае даже вскрытие силы не поможет.

Некуда мне идти, помимо стен академии. Родители погибли ещё в детстве, интернат с моим уходом вздохнул с облегчением, колледж я уже закончила, и по второму кругу меня

туда не возьмут.

Вот и получалось, что вскройся я, все равно осталась бы в этом зоопарке среди гиен и прочих падальщиков. Дали бы мне отлежаться в медкорпусе и выпнули на свет божий. А там – те же грабли и сплошное месиво из недовольных. Одна я на нулях по силе, то есть беспомощна, беззащитна и без вариантов к сохранению достоинства, чести и самоуважения.

Не, к демонам такие перспективы!

За размышлениями о предстоящем я тогда спустилась с административного этажа до учебного и тут же на информационном стенде обнаружила свое нижнее белье весьма печального вида.

Безобразные тряпки позорными флагами висели на темно-зеленой доске, рождая внутри меня вихри стыда и ярости.

В принципе, уже в этот момент мне стала ясна история с Вилкой и ее глобальной подставой, поэтому дальнейшие последствия общего сговора за моей спиной я воспринимала флегматично.

И можно было бы прямо сейчас развернуться, пройти пару этажей вверх и довести до сведения руководства нашего учебного заведения, что за жесь творится его подопечными, но дятел – птиц гордый и одинокий, оттого и долбитя головой без передышки.

Так и я... Просто стояла и смотрела на разворачивающийся беспредел.

Полыхающие жаром чувства прижигали, распаяя ведьминскую суть, но я выдерживала каменное лицо, стискивала стальной волей бьющееся в желании ответить тело и наматывала километры удушающей пленки вокруг разгорающихся костров жажды мести.

Я – ведьма! И мы, ведьмы, – существа мирные, но очень памятные. Настолько памятные, что помним, пока не отпустит. А отпускает нас, когда справедливость восстанавливается. Однако, если сделать это сейчас, пострадает большая часть академии.

Да и идти в лоб раззадоренной ожиданиями горячего представления толпе – едва ли разумная идея.

В конце концов, я – ведьма памятная, но не безрассудная. А значит, нервы – в железный кулак, лицо – тяпкой, нос вверх и вперёд!

Стараясь ни к чему не прикасаться и ни с кем не сталкиваться, бронебойным ледоколом я рассекала плотные массы любопытствующих, пропуская мимо ушей все подколки и едкие замечания.

Таким образом и вернулась в комнату. Чистую, опрятную и совершенно пустую на моей половине.

Благо Вилки не было, иначе... Даже сотня дежурств в столовой не остановили бы меня от возмездия.

Удар в спину от ближнего своего, что кислота на сердце. А Вилка мне не только подругой была – единомышленницей!

Сестрой по природе чувствования!

Все же ведьма ведьму как никто поймет.

И я Вилку в содеянном понимала. Оттого и гнев на нее поклокотал, поклокотал да и улёгся преданной собакой в ожидании внимания горе-хозяина.

Менять комнату я не стала, коварно мстить соседке – тоже. Вызвала домовых с домовушками, рассказала все, как есть, и попросила у светлого народа помощи. Они – ребята, может, и азартные, шкодливые, поерничать любят, но в настоящей беде пропавшего никогда не оставят.

Достали мне новый комплект формы, белье, полотенца, запасную обувь и учебные принадлежности.

Прошлые лекции было не восстановить, не потому, что невозможно – возможно, если бы я собрала тетради и задала обратное преобразование материи. Но дятел же птиц гордый!.. Оттого лекции восстановить невозможно, а потерянной информации горше всего было жаль.

На новоприобретенное хозяйство домовые наложили личные охраняющие чары, по задумке которых мои вещи не марались, не мялись, не истончались и не разрушались никаким образом, и в руки они давались только мне, а все прочие касания проходили мимо. Ворожба светлого народа так и звучала: "Пускай перед носом вьется, а в руки не даётся".

Гениальное в своей простоте и эффективности пожелание, которое спасало меня второй год!

Да, вы верно, поняли. С тех грандиозных событий минуло

больше года. Теперь Малина Стэр – ведьма-третьекурсница на целительском факультете. Работаю на полставки помощником библиотекаря и веду обязательную практику в медкорпусе в отделении экстренной помощи.

И не смотря на то, что за минувший год мы с Сэдриком Файтом столько обоюдных противостояний выдержали, что и не счесть, прямо сейчас этот аристократическим снобизмом на всю голову припечатанный снова передо мной.

Рычит, брюзжит и рывкает.

И выдает в припадочном состоянии, что моими молитвами лишился невесты, практически жены.

Неее, не помню... Не состоялась, не привлекалась, не участвовала!

А вот разворачивающаяся во всю мощь силовая воронка с этим явно была не согласна, как и находящийся в ее центре поглощённый яростью маг.

Ну и чего теперь делать со всем этим энергетическим богатством?

Глава 3. Малина Стэр

Справляться с Сэдриком Файтом и его вредоносным влиянием я училась постепенно.

Столовскую каторгу по первому разу выдержала ровно до появления передо мной наглой лоснящейся рожи мага в объятиях целого гарема.

На групповой подход к питанию я только фыркнула и в который раз возблагодарила истинно ценный подарок домашних – зачарованную одежду.

Уже не единожды свита Его Бешенства доставала меня на раздаче и пыталась выставить в самом неприглядном свете, вот только мой внешний вид от этого ничуть не страдал. Разбивалась посуда, разлеталась еда, кошмарился пол и весь модуль питания, а я стояла в первозданном виде, сияя оскалом улыбки.

Файт капризным тоном озвучивал свои желания, я, не слушая запросов, наполняла его тарелку блюдами на собственное усмотрение. Исключительно питательными, повышающими мужскую потенцию. А передавая плотно забитую посуду, я произвела выстрел в упор – громко, от всей души гаркнула: "Чтоб всегда стояло!".

Бурно кормящийся в этот час зал сначала замер, потом отмер и заржал. Маг же потемнел лицом, побагровел шеей и швырнул тарелку на пол.

Ничуть не растерявшись, довольная ведьма добавила:

– Ну на нет и суда нет! Пускай, как лежал, так и лежит!

Импровизация с благословением вышла спонтанной и, как по мне, до гениальности эффектной и эффективной.

Интернатовская школа адаптации в обществе не прошла-таки даром.

Тело помнило все!

Лицо аристократа после моих слов сделалось совершенно серым. Видно, вспомнил сердешный, как с неделю без друга верного маялся. Губы до бела вцепились друг в друга, и сквозь них шипяще-свистяще просочилось:

– Нннууу вееедьма!..

– Ну, погоди! – ответствовала со всем чувством я, уже слыша, как на шум битой посуды спешит заведующая по кухне.

В итоге, инцидент исчерпал сам себя: меня удалили убирать последствия разрушений, утративший аппетит Файт от питания в столовой устранился сам (лично! Все, как и хотел!), по крайней мере, до тех пор, пока в обители кастрюль и сковородок находится владеющая словом ведьма.

Его параноидное занудство ушло, а истекающая желанием выслужиться свита осталась. И мне приходилось раз за разом покидать раздаточную, брать моечные средства и тащиться наводить возле конвейерной линии чистоту ровно до тех пор, пока все та же заведующая по кухне – спасительница моя и благодетельница! – не сообразила отослать меня по-

дальше от глаз общественности. В моечную. И, надо же, чудо! Число аварий на раздаче резко сократилось, невообразимым образом устремившись к нулю. Внезапно и магнитные бури завершились, и глюки исчезли, и даже руки перестали дрожать, а организмы студентов толкаться.

Давно бы так!..

За минувший год наказание столовой прилетало мне многократно: куратор Дикинс вычислил мое слабое место и не гнушался этим знанием низко пользоваться. Однако, он ошибся в главном: столовая являлась слабым местом не только моим, но и многих... В общем-то, всех, желающих питаться, а не цирк с жонглированием едой рассматривать.

И первой встала на мою защиту, ну ладно, на свою защиту и защиту вверенной ей территории, конечно же, заведующая по кухне.

Благослови Великая Степь эту целеустремленную и непрошибаемую женщину!

Силами ее потуг обезопасить свое детище от вредоносного влияния моего присутствия на атмосферу в столовой, вскоре наряды в пищеблоке заменились куратором дополнительными часами работы в медкорпусе.

Ха! Нашли грозное наказание для ведьмы-целителя!

Таким образом, мой ежедневный маршрут составлял теперь пять точек для перемещений: комната в общежитии, учебный этаж академии, библиотека, полигон для тренировок и медкорпус. В столовую я перестала ходить безопасно-

сти ради, а заботы по моему питанию взяли на себя домовики. В библиотеке, медкорпусе и на полигоне дисциплина была строжайшей, и нарушение ее каралось суровыми мерами. Действительно суровыми, поэтому в стенах этих помещений меня не трогали от слова вовсе.

Ну а учебные залы...

Да кого из нас не дразнили, не задирали во время обучающих сессий? Кто не бывал в центре насмешек и общего подтрунивания? Кто не испытывал крайне дискомфортного давления среди ровесников, от старшиков или даже преподавателей?

Случалось всякое, это правда, и в интернате домашней девочке, воспитывавшейся до десяти лет в любящей родительской семье, пришлось весьма туго. Первые года три точно. Но в моем случае массовой травли не случилось ни тогда, ни сейчас.

Я просто не позволила. Не разрешила себе сомневаться в своем праве на себя.

Те, кто отказывает самому себе в вере, день за днём вынуждены жить среди терзаний, метаний и неопределенностей.

Я не знаю, как сделать это. Не вижу решения достичь того. Я не уверена, что выдержу, что смогу. Я растеряна и сломлена.

Существовать в подобной недостигаемой реальности крайне тяжело.

Я не могу рассчитывать на саму себя. Мне с собой небезопасно.

Во избежание пугающего приходится, как можно чаще, держать свои реакции под контролем, и тогда контроль становится главным.

Он захватывает все внимание.

Его влияние проступает тотально.

Оно пронизает каждое действие, каждое ощущение, каждую сферу жизни.

Постоянное пребывание под прицелом собственного внимания добавляет ещё больше напряжения. Внутренний контроль переходит в контроль внешний: если я слежу за собой, следят и окружающие. И поначалу подобное ещё может осознаваться, слабой тенью мелькая на заднем плане понимания, то, день за днём повторяясь, оно переходит в привычное, автоматическое, однако, не менее раздражительное и угнетающее состояние.

По факту, я подчиняю себя.

Сначала самой себе, потом и другим.

Я – подчинённая.

Кого? Да кого угодно!

Друга, одноклассника, преподавателя, поставщика товаров и услуг, продавца в лавке, насильника или толпы.

Подчинив саму себя, лишившись веры в собственные возможности, я перестаю быть надёжной опорой и поддержкой. Заботящейся, что бы не произошло, фигурой.

Я подчиняюсь событиям.

Они со мной случаются. Крутят, вертят, кидают меня из одной крайней неприятности в другую.

И этот разрушительный путь не про истинную ведьму.

А я – ведьма!

Поэтому, чтобы быть самой жизнью, равной ей, столь же сильной и могущественной, я выбрала роль интервента, вторгающегося в события, прорастающего в них, протягивающего свои руки-ветви к самым заветным желаниям.

Надеяться, что притеснения пройдут сами собой, я не стала.

Надежды лишь создают ветошь, в целях же рождаются вселенные.

И моя вселенная целиком и полностью была в моих руках.

Ведьмы – неотъемлемая составляющая этого мира. Мы сотканы из его материй и помогаем ему жить, используя энергию стихий, распределяя ее от избыточных областей к зонам дефицита. Истинные ведьмы – мирные существа, направляющие знания на исцеление и пробуждение жизни. Мы не захватываем территорий, не строим пустых козней, не влазим в чужое сознание. Случаются, конечно, и среди наших сестер неприятные отклонения, но все это больше из области исключения, нежели правил.

Ведьма живёт миром.

Пока ее не трогают.

А уж коли тронули...

В обиду и на жертвенный костер правильная ведьма себя никогда не отдаст.

И от должной схватки не уклонится.

Если сражение несёт в результатах мир, ведьма будет сражаться.

От всего нутра.

С полной отдачей и выкладкой.

За себя. За свое. За свой мир.

Заскоки высокомерных задавак, особо рьяных задир, как и высокородных снобов и их сторонников, я пресекала на корню. В академии для ведьмы с испытанным словом, проверенным и доказанным самим Сэдриком Файтом, это бывало даже весело.

Различные настойки от слабительного до афродизиака, публичное изобличение слабостей и высмеивание привычек, сорванные встречи, выступления и научные работы. И, конечно, извечные догонялки, подянки и попытки сделать-таки одного из нас козлом отпущения.

Файт побеждал чистой магической силой, я же брала ведьминским повелением и хитростью. Там, где он мог разнести все живое в пыль, я успевала найти подходящий вариант разнести в пыль его концентрацию. Там, где он мог схватить и выпотрошить из меня все пароли, явки и схемы отпирающих заклинаний, я играла на его статусе и репутации: все же владение званием аристократа ко многому обязывает.

Поэтому здесь, в библиотеке, стоя лицом к лицу с обжига-

ющей энергией магической воронкой, наблюдая, как с каждым мгновением серо-голубые глаза мага выцветают все заметнее, становясь прозрачно-зеркальными, я не искала варианта сбежать, скрыться или позвать кого-либо на помощь. Хотя выброс такой силы, что сейчас демонстрировал Файт, определенно уже зафиксирован, и, значит, кто-то из преподавательского состава вот-вот явится по наши души.

Нет, я скрупулезно и методично рассматривала стоящего передо мной мужчину. С медицинской точки зрения, конечно же, рассматривала.

Я препарировала его, точно кольчатого червя, диагностировала видимое и чувствовала внутреннее содержимое, в поисках ответа на вопрос: "Где сейчас самое слабое место у Сэдрика Файта?".

И оно у него определенно имелось.

Год совместного выживания стал тому наилучшим доказательством.

Сильнейшую глыбу академии я выбивала из равновесия с той же частотой, как и он заключал меня в магические ловушки.

Мы шли с ним на равных, два борца за личную справедливость.

Два соперника-дуэлянта.

Ооо!.. Вот оно!..

Ведьминская суть расплылась в клыкастой коварной улыбке.

Сытое довольство от правильно найденного решения уже затопило вены, кружа голову и опьяняя.

Для Файта я – соперник, причем не абы какой, а равный. И это вопрос не столько магии, точнее, не только магических сил, сколько вообще расклада в целом.

Мы словно два самца в схватке за территорию.

Но я – не самец!

Я – ведьма!

Женщина!

И действовать сейчас следует, как женщине. Хитрой, коварной, соблазнительной.

В бою по правилам мне мага не осилить, а к боям без правил и подавно лучше не переходить: там у мужчины уровня Сэдрика Файта навыков явно развито поболее моего.

А вот на женщин у Его Кобелячества стойка давно отработана, практически на бессознательном уровне. Неугомонный мелкий дружок не позволял магу игнорировать присутствующий в одном пространстве с ним симпатичный объект с анатомо-физиологическими женскими отличительными признаками.

И только в отношении меня этот компас оказался сбитым.

Что ж, по всему выходит, настало время это исправить.

Подход, конечно, неожиданный, мною ещё ни разу не опробованный, и вместе с тем достаточно любопытный даже не особо сведущей в этих соблазнительных делах мне.

Расправила плечи и толкнула грудь вперёд. Поймав ма-

реговым взглядом зеркальную полынью глаз Файта, двинулась навстречу силе, облажившей энергетическими кольцами мужчину. Не задумывалась о происходящем. Я вообще не думала ни о чем, лишь только глубже увязала в собственном отражении внутри прозрачно-чистого озера. Чувствовала остро-холодные касания чуждой мне магии, которые не оттолкнули, хотя могли, не задержали и не причинили вреда, а, не смотря ни на что, пропустили в самое сердце, к своему источнику.

Под влиянием момента ли, а, может, план с самого начала родился во мне именно в таком виде, я намагниченными руками вцепилась в форменный полувер мага, слегка подтягивая его к себе (он же на полголовы меня выше!), и впилась в его жёсткие губы первым в моей жизни поцелуем.

Глава 4. Малина Стэр

Это было... ошеломительно!

Даже для первого поцелуя.

Оглушение – так бы я охарактеризовала свое состояние.

Явное помрачнение сознания. Его опустошенность. Ступором сковавшая тишина.

Вокруг бурлили энергетические потоки. Обжигали лицо вихрями, наэлектризовывали волосы, скользили по коже горячими до мурашек змеями.

Мои губы тянулись вперёд, прижимались к мужским все теснее. Под крепко сомкнутыми глазами уже рябило от напряжения, от недостатка кислорода горели лёгкие.

...А я будто с камнем целовалась.

Холодным, шершафым, угловатым.

Неподвижным и безответным.

Он только поглощал мое тепло, выпивая, казалось, досуха, но ни чуть при этом не мягчея, не согреваясь, не оттаивая.

Какая-то бешеная подстава!..

Что за дела, а?!

Шагнула ведьма в глубины озера, в чью бездонную гладь смотрела секундами ранее, а вместо живой, отзывчивой, принимающей стихии воткнулась на всем своём ведьминском энтузиазме в огромный каменный булыган, что таился

под зеркальной поверхностью вод.

У меня даже нос от удара заболел!

И запах характерный ощущался! Стоялой воды с лёгкими отголосками тины.

А на зубах мелкие частицы кварца поскрипывали.

Или это я зубами от досады скрипела?

Ну не может у этого мага быть все как у простых смертных!

Разве это сложно?!

Горячий поцелуй, губы сплетённые в жарком соитии, одно дыхание на двоих...

ТЬфу!

С ним не то, что дыхание не разделишь, с ним и себя потеряешь, пока до его дыхания достучишься!

Жадина!

Пустобрех!

Ловелас дефективный!

И чего за ним жаждущие внимания гурьбой бегают?! Да ради такого бракованного мужчины я и пальцем бы не пошевелила! Одна картинка, а выхлопа в действии нуль!

Плюнув с досады (мысленно, конечно) и оставив всякую надежду на взаимность, я отцепила себя от мужского тела, разлепила веки и зло уставилась в наглые непрошибаемые глаза брюнетистой глыбы.

Глаза швырялись колючими искрами, как во время работы угловой шлифовальной машины по металлу.

У папы была такая, я помню, сколь обжигающе остро ощущается каждая вышедшая из-под контроля искра. Но там хотя бы у инструмента имелся защитный кожух, поглощающий большинство травмоопасных искр.

От индивидуума напротив и его кресающей ярости никакой защиты у меня не было, и потому мудрая ведьма, сохраняя справедливо раздражённое выражение лица, позволила себе отодвинуться от неоправдавшего ее ожиданий объекта исследования.

Сыплющий искрами стальной взгляд хищным зверем последовал за мной, и лишь ответным пламенным взором я держала готового атаковать мага.

К моему удивлению, пространство через которое я – нет, не отступала – совершала тактический маневр, было свободно от магических потоков.

Засомневавшись в правильности своих ощущений, я даже озадаченно осмотрелась по сторонам – силовая воронка действительно исчезла, значит, мой ход с поцелуем все же принес свои результаты, хоть и с удовольствием меня прокатил, – и, только услышав рычание Файта, до меня дошло: я отвела взгляд, разорвала контакт, и зверь сорвался с повадка.

– Госпожа Стэр! Господин Файт! Что у вас здесь происходит? – размахивая изумрудными косами в библиотечный зал влетела куратор шестого курса госпожа Мэдхали.

Хвала Великой Степи!

Теперь Его Бешенство будет под контролем!

А что происходит? На этот вопрос я лично точно отвечать не собиралась. У меня вообще рабочая смена в самом разгаре!

Аристократизмом на весь организм приложенный тоже молчал, только в отличие от меня он глазами по пространству не бегал, с предмета на предмет не перескакивал. Наоборот, с выдержкой удава и взглядом вникуда пялился сквозь своего куратора.

– Господин Файт!.. Сэдрик.. Будьте любезны пояснить обстоятельства, при которых в помещении библиотеки, где магичить строго воспрещается, произошел выброс силы, да ещё и третьего уровня, – госпожа Мэдхали была сама вежливость и настойчивая аккуратность.

А с глубоко родословными ветвями древних по-другому и не построишь диалог. Она же – не ведьма на всю голову, ей в магическом обществе карьеру растить, а там от слова аристократов зависит многое, почти все.

И то, что смотрела куратор именно на Файта, упуская из виду меня, тоже было понятным и весьма логичным: в зале нас двое, я – ведьма, а он – маг. Ну кто ещё мог здесь магичить?!

Тем не менее, брюнет молчал, индифферентный ко всему происходящему.

Куратор сверлила его взглядом, сверлила, сверлила, да и вздохнула.

– Господин Файт, я вижу, что в библиотеке все на своих местах и пространство не пострадало...

Как это не пострадало?! А я?! Я-то пострадала! Про меня-то забыли!

Безмолвные обращения ведьмы остались публикой проигнорированы.

– ...я зачистила остаточные следы энергетического всплеска, пройдёмте в мой кабинет, продолжим разговор уже там.

И госпожа Мэдхали сопровождала свои слова показательным жестом. Рукой в преподавательском защитном костюме (из лаборатории, видимо, к нам спешила) показала на выход из библиотеки.

Файт все той же немой, непроницаемой глыбой, не меняя ни взгляда, ни положения тела, двинулся прочь.

Куратор с облегчением – да, да, с этими аристократами, на все свои части особенными, одни сложности, – проводила его синими, как кобальтовые корунды, глазами и вышла следом, так и не задав мне положенных при подобных ситуациях вопросов.

В целом, я не была удивлена.

Файта за его выходки вообще крайне редко наказывали, даже выговоров не делали, одной беседой он, как правило, и отделялся.

Может, потому и оборзел в дупелину.

От дальнейших рассуждений меня отвлекли возвращение

смотрительницы библиотеки Нирочки и повалившие следом за ней взбудораженные студенты.

– Лина, ты как? – сочувствующий взгляд женщины говорил больше длинных слов.

– Мы победили, – хмыкнула я, стремясь поскорее выкинуть из головы Его Бешенство и мысли о том, что же он-таки имел ввиду, тыча в меня обвинением о разрыве с невестой.

– Судя по виду господина Файта, это спорное утверждение, – деликатно отметила смотрительница.

– Если бы о происходящем мы судили по физиономии Его Злейшества, мир представлял бы собой крайне неприятное место существования, – легко отмахнулась я.

– Уверена, он не настолько плох, моя дорогая, – Нирочка, святая душа, всегда радела за добро и свет в наших изъеденных эгоизмом сердцах, намеренно ли или бессознательно упуская тот факт, что дети – цветы жизни... их или в землю, или в воду.

– Правильно, он гораздо хуже! – Последнее слово ведьмы. Дальнейшее течение воскресного дня шло своим чередом, минуя острые ощущения и головокружительные воспоминания.

Большую часть времени я была занята сначала поиском, а потом выдачей первому курсу смешливых ведьмочек литературы по спецпрактике у господина Экрю. Девчонки пришли ко мне с одним списком необходимых книг, но я уже знала этот ход преподавателя конем Обломинго: ничего тол-

кового они в той макулатуре не нашли бы, и на предстоящем практикуме Экрю знатно проехался бы по их самооценке.

Из года в год одна и та же история.

И потому... Подложить свинью вредному преподавателю я не посчитала большим свинством и сразу же поделилась с ведьмочками опытом своего курса. Попросила их показать вопросы к практикуму, они пусть и отличались от тех, что были у нас на зачёте, но сложностей для меня не представляли. А дальше я от всей ведьминской (прошу заметить, не мстительной!) души с предвкушением грядущего облома коварных преподавательских замыслов заведенной юлой носилась между стеллажами, обеспечивая всех желающих нужными материалами.

И в одном из таких марш-бросков ко мне по касательной прилетел разговор шепчущихся девчонок, обсуждающих не абы что... а вчерашний скандал между Сэдриком мать его Файтом и его ослепительной невестой.

Невеста у этого ходока по женским прелестям действительно имелась, и вполне себе официально была представлена высшему обществу. Училась она, правда, не в нашей академии, что впрочем не мешало ей частенько навещать к Файту в гости.

Один из таких визитов и был в минувшую субботу. То есть вчера.

Около полудня красавица Сиола Римс скользила по цен-

тральной лестнице общежития, рассекая искрящимися бортами ультрамаринового платья толпу спускающихся на обед студентов.

Среди них была и я – да сейчас этот эпизод весьма четко всплыл в моей памяти.

И нечему тут удивляться, тоже мне значимое событие явление Римс в стенах академии.

У нас здесь таких Римс!..

Вагоны!

Между прочим, порядочная ведьма, то есть я, шла в тот момент в задумчивости, осмысливая недавно прочитанную диссертационную работу о современных методах применения магии в хирургии для восстановления утерянных органов и конечностей.

Затрудняюсь сказать, отчего девушка, со мною лично не знакомая, решила уточнить именно у меня, где она может найти Сэдрика Файта, поскольку жених не предупрежден заранее о ее визите, и теперь синеглазая и русоволосая Сиола теряется в возможном месте его нахождения.

Но она уточнила.

Задала свои вопросы именно мне, а я, занятая глубоким мыслительным процессом, буркнула первое, что пришло на язык: "Так посмотрите в комнате!", и поспешила дальше вниз по лестнице. Растягиваться было некогда, после обеда мне предстояли восьмичасовая смена в медкорпусе и две плановые операции.

И как оказалось, послушная слову ведьмы Сиола действительно пошла в комнату жениха, долго в нее стучалась, а когда ей, наконец, открыли... Своими по-детски чистыми глазами шмякнулась всем зрением о суровую действительность: в комнате Файт был не один, и даже не вдвоем... И уж точно он не занимался выращиванием цветов или отработкой учебных навыков... Хотя... Все зависит от того, что можно отнести к развитию навыков и выращиванию цветов, слишком уж терминология двойкая получается, ненужными смыслами нагруженная.

В общем, получилась сцена из анекдота: почти муж почти гол (полотенце вокруг мокрых бедер не в счёт), а в его комнате на взбудораженной кровати лежат почти ни разу не раздетые ведьмы-близняшки с шестого курса.

Удивительнее всего мне было слышать о том, что наивная файтовская невеста никоим образом не знала о репутации жениха и абсолютнейшим образом уповала на его порядочность и верность.

Неужели такие женщины ещё есть?!

Нет, если б речь шла о каком-то другом женихе, я и слова бы не возразила.

Но это же Файт?!

Аристократический су... судак обыкновенный, снобизмом по самую брюнетистую макушку нафаршированный и ничешуя в обращении с настоящей женщиной не соображающий.

Непрактичное, всё-таки, у наших родовитых образование... Непрактичное. К жизни совершенно неадаптированное.

Иногда им в принудительном порядке следует снимать корону, а то у некоторых преет мозг, разрастается подкорковая плесень и теряется связь с адекватной реальностью.

Итогом немой сцены "вы нас не ждали, а мы припёрлись" стала почти классическая фраза: и нет той повести печальнее на свете, чем анекдот о Файте, что за слёзы Римс в ответе.

Девушка рыдала, кричала, обвиняла. Удача Файта, что невеста у него была не ведьма, та бы ещё и проклинала, да от всей женской несправедливо обиженной души. А слово ведьмы сказанное с сильным чувством!.. С таким даже самый мощный откатный обряд порой справиться не в силах.

Помолвка полетела клочками по закоулочкам, аристократ поскакал в набедренной повязке за нежелающей слышать объяснения невестой, хотя в моем субъективном представлении слова "объяснения" и "поскакал за" в одном предложении с Файтом могут употребляться исключительно с частицей "не". Этот вурдалаком недобитый недомужчина никогда не извинялся, никогда не объяснялся и никогда не оправдывался.

И что же он нашел столь ценного в своей уже совсем не невесте, ради чего наступил на горло аристократической задницей высиженным родовым принципам?

Глава 5. Сэдрик Файт

Утро наступило совершенно не так, как планировал. Вчерашняя тренировка с отцом слить излишки энергии не помогла, наоборот, схватка меня лишь раззадорила.

Я сражался с ним, с обстоятельствами, с обязательствами и с собой.

Побеждала ярость.

Какой бы ни выдвинул аргумент отец, я только больше злился. Какое бы ни придумал для себя оправдание я, сила клочкотала все своевольнее.

И голова понимала многое, но тело жить так отказывалось. Оно буксовало, с каждым напором все глубже вгрызаясь в земную твердь. Мышцы вибрировали, энергия билась в застенках организма, того и гляди, разможжит хрупкий сосуд для нее мало приспособленный.

Родовой долг...

Я знаю, что он того стоил: мой отец жив, здоров и в прежнем статусе... Хвала Великой Степи, что много лет назад Асалán Римс подставил ему свое плечо.

Род сохранил наследника, мама – мужа, семейные предприятия – крепкую руку, уверенно ведущую их к успехам.

Однако, моя текущая роль весьма сомнительна и категорически меня не устраивает.

Одного наследника сохранили, другим теперь согласны

жертвовать.

И ведь не отмоешься, долг платежом красен.

Честь аристократа превыше всего.

Примерно с такой формулировкой Асала́н Римс и пришел к моему отцу, когда ему потребовалась помощь, и наш глава рода, Лиатор Файт, конечно, ответил согласием.

Прошлое ведь не переиграешь, остаётся играть в настоящем.

Так и вышло, что двадцать лет назад мою жизнь повязали с жизнью ещё неродившейся наследницы рода Римс, и все это время, каждый грёбаный день, я являюсь донором для Сиолы. Питаю ее силой, помогаю с контролем, благодаря чему девушка может полноценно жить и магичить в нашем обществе.

Почему я?

Наши энергетические потоки лучше всего совпадали на момент ее внутриутробного развития, а кандидатов на столь почетно-подотчетную должность Римс перебрал вдосталь.

Может ли Сиола жить без моих вливаний?

Может, но как обычный человек. И это значит, прощай магическая специальность, прощай долголетие, прощай сильная позиция истинного аристократа. Да здравствует клеймо позора на всю жизнь.

По сути отец, согласившись на мое участие, спасал не только дочь великого рода, но и весь род Римс, поскольку такое пятно было бы сложно спрятать в высшем свете.

Справедливости ради, стоит отметить, что и Асалан Римс спас некогда весь род Файтов.

Око за око...

Только мне-то почему приходится за не свои решения расплачиваться?!

И по началу я даже послушно терпел. Казалось, принял волю отца, как должное. Смирился с необходимым. Сжился с неизбежным.

И, в целом, Сиола Римс была славной девушкой, которую я знаю всю ее жизнь.

Но в том-то и дело, что моя жизнь прекратила существовать отдельно от ее. Целью моей жизни, точкой принятия решений стала именно комфортная жизнь Сиолы и всего рода Римс.

Сковав обязательствами нашу семью, они буквально поглотили меня.

С раннего детства нам рассказывают легенды о древних и их потомках – деминатасах или буквально в переводе с первоуродного "божественных духах в уменьшенном виде". Все мы – маги, ведьмы, люди и двуликие – деминатасы, "духи", хранящие искру древней силы. В одних она проявляется ярче, в других годами едва-едва тлеет, а в третьих и вовсе дремлет до лучших времён.

Тех, в ком искра пылает активнее всего, в легендах стали называть демонами, наверное, какой-то чудак в один из исторических моментов так сократил всех деминатасов или

выделил самого деминатного из них. В общем-то, не столь важно, как это произошло, но с некоторого момента деминатасов стали именовать божественными духами демонской силы, подразумевая под демонами древних.

Искра древних в каждом из нас пылает по-разному. Отсюда и многообразие уровней магии, доступной деминатасам.

Но на огонь, как известно, можно влиять, и при должном обращении искра преобразится в устойчивое пламя. Сухое горит лучше сырого. Передай искру соломе, и она вспыхнет мгновенно. Сырую траву заставить гореть сложнее, вливания силы много, а результата нет, лишь знатная дымовушка выйдет.

Я все это к чему...

Сиола Римс с момента зарождения была "сырой травой". Потенциал к горению есть, но возможности гореть нет.

И лишь при постоянном воздействии мощного огня извне, ее суть может гореть.

Подсыхать и гореть.

Но на месте высушенной травы ее нутро всегда будет стремиться создать свежую сочную поросль, которая задушит догорающее топливо. Поэтому в ее случае сторонний огонь для сохранения магических сил должен быть постоянным.

Вот она и донорская связь.

Что же касается базового принципа работы магии, то в наших землях его знает каждый малыш континента. Все мы состоим по большей части из воды, более того, сама способ-

ность проводить магию построена на особенностях жидких сред, ведь посредством беспрепятственно передвигающихся в воде свободных ионов примесей магический заряд и переносится. Все, как с электричеством. И чем беднее среда, тем ниже электро- и магопроводность.

Так уж вышло, что в организме Сиолы состав внутренних жидкостей оказался "бедным": число солей, оснований и кислот не соответствовало достаточному уровню для хорошей магопроводности. Именно поэтому потребовалось наружное вмешательство.

Переживаемые нами эмоционально-чувственные процессы напрямую сказываются на качестве жидкостей внутри организма, на присутствие в них тех или иных веществ и их количества. Чем сильнее чувства, чем дольше сохраняется переживание внутри, тем концентрированнее состав жидкостей в теле. А значит, тем выше концентрация ионов в водной среде, и, следовательно, тем лучше электро- и магопроводность.

Думаю, теперь понятно, какую роль для меня определили наши с Сиолой отцы.

Я не просто делюсь с ней своей силой, постоянно поддерживая в ней процесс горения, я ещё и влияю на ее эмоциональный фон, чтобы качественный и количественный состав внутренних жидкостей в организме Сиолы был достаточным для высоких магических успехов.

И кто-то скажет, что для подобного контакта не нужна бы-

ла бы дружба или более близкие отношения с реципиентом, достаточно было бы устраивать нуждающемуся эмоциональные качели или вообще давить на него негативом, но такой вариант, конечно же, не подошёл госпоже и господину Римс.

Нет, они желали для дочери только лучшего, и этим лучшим оказался я.

Скованный с трёх лет обязательствами. Безжалостно отданный чужому роду в уплату старого долга. Все свободное от учебы и практики время проводящий в компании Сиолы и ее семьи. К тому же уже два года как обрученный!

Да, я – жених с навязанной мне невестой.

Невестой, что вскоре должна стать женой.

И только смерть разлучит нас...

... ?!

Помолвка стала последней каплей.

Едва я вышел после того памятного разговора из кабинета отца, счётчик моей выдержки пиликнул "ноль", и заложенный восемнадцать лет назад заряд, наконец-то, сдетонировал, сминая взрывной волной годами перекручиваемое нутро.

Все прежние ограничители сгорели разом. В прах.

Сдохли без права на восстановление.

Потревоженная, взбудораженная, надломленная земная твердь пошла трещинами, извергая на свободу долгими днями и ночами прессуемый гнев. Он красно-черными шипящими и меняющимися вспышками расстреливал окружаю-

щих, швырялся огненными всплесками пирокластических потоков. Вместе с ними вылетали и вулканические газы, выжигая кислород, вынуждая дышать тем, что выходило, вышвыривалось из отравленного организма прочь. Серым пеплом забивались лёгкие, приступы астмы и удушья накрывали с головой, и я хватался за любую возможность, лишь бы сдернуть бесячий поводок, растянуть, растерзать тугую петлю, древней рукой обязательств сдавившую мне горло.

Горящая агонией чувств порода поднималась из самого сердца и конвекционными струями уносилась вовне, к разломанным границам и разбитым в пыль ожиданиям перемен к лучшему.

Во мне бурлила злость, клубилась сизыми тучами ярость, и прошивалась десятками острозаточенных молний жажда наказания.

И я наказывал. Карал всех вокруг. Смертоносными реками желчи, выжигал запреты и пробивал себе дорогу к свободе.

Моя свобода была в академии. Вне наблюдателей и надзирающих от обоих родов. Именно здесь я спускал пар во всех смыслах этой фразы.

Брызжал горячей слюной, плевался едкостью и безразличием, швырялся ядовитыми словами и предложениями.

Бушующие потоки, ломающие все на своем пути, перли из меня, как дрожжевое тесто, что передержали в жестяных тисках. Разрывали прежнее, не позволяли оформиться но-

вому.

Объявили меня женихом?! Ну так не монахом же!

Долгое время удерживаемый в суровом воздержании организм просил реванша, и я его ему предоставил.

От всей магической души и аристократической щедрости.

Хоть здесь по делу пригодились семейные достоинства: внешность, целеустремлённость и позволение себе брать все, что приглянулось.

Единственный сбой приключился год назад. Переборщил в общении с ведьмой, хотя она, я уверен, тот дегенератский разговор общением уж точно не назвала бы.

Ведьма оказалась занятой. Заняла меня по самое... самое, отобрав то небольшое, что дарило чувство освобождения.

Неделю вынужденного воздержания провел у комнаты, над комнатой, под комнатой девчонки в пустых попытках добраться любым способом до неосмотрительно швыряющейся повелением ведьмы.

Я привлек все свои знания, силы, знакомства, чтобы достать эту стерлядь из той консервной банки, в которую она добровольно закупорилась.

Я тогда так озверел, что послал в Великую Пустошь даже родовое обязательство и не поехал на ежегодный бал, устраиваемый семейством Римс в честь своей дочери.

Я послал и отца, когда тот в негодовании примчался в академию, чтобы урезонить зарвавшееся чадо.

Лиатор Файт сначала прошёлся по моему уму и достоинству аристократа. Когда это не сработало, как работало прежде, досталось долгу перед предками – я его к ним и отправил. Затем он перешёл к угрозам, но и их я оставил без внимания. Какие угрозы, когда я сам, кого хочешь, (а хотел я исключительно одну ведьму!) был готов достать хоть из-под земли (но прямо сейчас будет достаточно и вурдалаковой комнаты, что оказалась неприступным бастионом)?!

Уже позже, вспоминая об этом противостоянии, я понял, что в ту неделю во мне не просто взрывалось и бухало негодование, во мне сдвигались тектонические плиты, молчавшие, бездействующие годами. И этот сдвиг по полной фазе согласно законам когерентности привел к тому, что я сам себе дал шанс думать о возможности жить другой жизнью.

Как я приду к ней, пока не знал, но то, что другая жизнь существует и, значит, возможна для меня – этот факт прочными стежками укладывался внутри, затягивая дыру безысходности, безвыходности, бессилия, беспросветного существования.

А история знакомства с ведьмой вышла с продолжением. И честно, я не специально, оно само как-то получилось... Не то, чтобы шел к этой гонке мнений намеренно...

Я жил, как жилось, по большей части смотрел внутрь себя, а уж к тому, что творилось снаружи, подключался по остаточному принципу.

Крыша летела от невыносимости определенной для меня

судьбы, и душа просила отомщения, борьбы, сражения и победы.

А тут – девчонка-второкурсница, которую тоже сильно подзужевало на мой счет.

Очень уж ей мое снобско-злбское поведение не по сердцу приходилось. Несправедливость у ведьм всегда красной тряпкой перед глазами болтается.

Да мне, знаешь ли, и самому мир не мил был. Ломал его, как мог.

За всеми многолетними процессами я не уследил за тем, как пышущая злобой, обидой и ненавистью моя страстная натура, вынужденная сдерживаться, утаивать и хорониться, обрасла каменным панцирем. Лавовые массы желчи застыли при встрече с холодной внешней средой, образуя непробиваемую грубую корку, из которой мне уже и не желалось выбираться.

Нужно отдавать силу?!

Нужно создавать настроение?!

Нужно играть очередной спектакль?!

Да гори оно все! Я сцеплю зубы, выстужу сердце, извращу мысли, но найду вурдалаковый выход из родового тупика!

Я снова в академии. Есть как и чем бороться.

Корка на поверхности грубо сколоченного панциря дрогнула, гравитационно неустойчивая твердь пошла очередной сеткой трещин, и волна горячего протестного желания перевернуло утлое судёнышко моего здравомыслия.

...В дверь комнаты застучали. На всех парах раскошегаренного паровоза я рванул к ней и открыл.

Открыл, втащил двух ведьм-старшекурсниц в свое укрытие и полностью отпустил бесячую ярость. Смял ароматные губы одной, сунул руку в трусы другой. Безжалостно терзал их наравных, наращивая темп, позволяя взлетать все выше и выше, и резко обрывал наслаждение за долю секунды до разрядки, скидывая всех троих без парашюта вниз.

Жалобный скулеж пресек моментом, заняв их рты более полезным занятием.

Когда в дверь застучали во второй раз, я уже выходил из душа. Сыто опустошенный. Эмоции не давили, напряжение не гудело, организм не страдал в ломке.

Сегодня суббота, а, значит, прийти мог Дюк, мой приятель по Академии, или Шрахт, мой спарринг-партнер на ближайшую неделю.

Время обеда – как раз подходящий момент, чтобы закинуться в компании парней съестным. Потом можно размять мышцы и организовать себе вечер по интересам. Настроение как раз такое, соответствующее, когда интересно все и всякая.

С расплывшейся от удовольствия рожей я открыл дверь.
...Какого вурдалака она здесь?!

Глава 6. Сэдрик Файт

Сиола, как всегда, была изящна и элегантна.

Русые длинные пряди, завитые в крупные локоны, мягко обрисовывали ладную фигуру. Аккуратные кукольные губы, искусно подчёркнутые ярко-красной помадой, придавали вид соблазняющий и вместе с тем держали на расстоянии тех, которым эта девушка была не по зубам.

Огромные синие глаза, умело оттененные аквамариновым платьем, целомудренным и вместе с тем кокетливым, смотрели на меня с удивлением и жадным интересом.

Ах да, я же только из душа!

Это объясняет пристальное внимание девушки.

При всей нашей многолетней "близости" я держался с ней официально и строго в рамках этикета. Руки не распускал, непристойностей не позволял, разговоров о большом и светлом чувстве избегал – это за меня успешно делали главы обеих семейств.

Сейчас во время учёбы мы встречались с Сиолой где-нибудь в публичном месте (как можно более публичном) на территории академии или выбирались в город на очередное светское мероприятие: открытие выставки, посещение музея, ужин в ресторане.

Если по началу я ещё имел желание выстраивать с девушкой отношения, интересоваться ее желаниями, делиться с

ней важными для меня соображениям, то теперь меня спасала либо болтовня самой Сиолы, либо отсутствие необходимости говорить – в этом плане мы много времени проводили за просмотром театральных премьер, балетных постановок, концертов и кинофильмов, хотя к подобным жанрам искусства я был абсолютно равнодушен.

Однако, из двух зол выбирают меньшее.

...Мысль мелькнула, я моргнул и разорвал удерживающую взгляды струну.

Сиола засмушалась и отвела глаза в сторону.

За моей спиной скрипнула кровать.

Оп-па... Про близняшек-шестикурсниц я совершенно забыл.

Кукольные губы изобразили нерешительное "О", синие глаза округлились ещё больше прежнего, потемнели и будто сковались льдом.

Маленький наманекюренный пальчик с красными коготками трясущимися движениями попытался обратить мое внимание на происходящее на заднем плане.

Да я, в общем-то, в подсказках не нуждался, все было понятно.

Неясными оставались лишь последующие реакции Сиолы, раньше в таких ситуациях мы не оказывались.

– Рикки?.. – вырвалось сиплое из ее точеного горла.

Я недоуменно приподнял бровь. Анализировать и предугадывать происходящее желание отсутствовало, организм

по-прежнему пребывал в сыто-разморенном состоянии.

И это ее "Рикки"!.. Как к псу обращается!

Аррррр!.. Бесит!..

Девушка схлынула с лица, отшатнулась назад, словно уклоняясь, убегая, но тут же дернула себя вперёд, возвращая на место.

– Рикки?! – второе обращение вышло требовательным окриком на повышенном тоне.

Я дёрнул губы в гореусмешке: а вот уже эти интонации были мне прекрасно знакомы, столько лет рядом с Асаланом Римсом не прошли ни для нее, ни для меня мимоходом.

– Рикки... – звучит разочарованное.

Впрочем, я не ведушь.

Да, я такой, Сиола.

Ты сама пришла, когда я тебя не звал.

Какого дохлого вурдалака ты вообще притащилась в мою комнату?!

Нарушила установленные правила, вот и получай.

Из солидарности с моими думами тяжелые капли первых слез сорвались с темных ресниц, завибрировал подбородок, алые губы поплыли кривыми линиями.

Девушка заплакала тихо-тихо.

И это отозвалось болезненной горечью. Даже сквозь очерстневшую броню, плотными костными наростами укрывшую мое сердце, я ощущал давящее смятение эмоций Сиолы.

И мне было ее жаль...

По-хорошему, никто не заслуживает такого бестактного обращения с собой, такого наплевательского отношения к себе и такого лютого невыношения себя же.

Сиола этого не заслуживала. Не она была инициатором нашей гнусной связанности.

Сама девчонка ничем особым передо мной не провинилась, ведь истинные причины моего нахождения рядом с ней от нее, конечно же, скрывались, как и утаивались особенности девичьего организма. Поэтому мое внимание к своей персоне Сиола всегда считала абсолютно искренним.

Все же сейчас я поступал, как выдающаяся свинья.

И цирк этот пора было уже прекращать.

Следует извиниться, поддержать, объяснить.

Позаботиться, в конце концов, о девушке в непростом состоянии.

В общем, повести себя по-мужски, а не из роли ненавидящего мир озлобленного неудачника.

И я только собирался сделать шаг к Сиоле, как она резким движением размазала по лицу поплывшую косметику, выдохнула: "Все кончено", судорожными движениями стянула фамильное кольцо Файтов и, сунув его мне в руку, помчала прочь.

До конца коридора, за поворот и вниз по лестнице.

Гроыхали каблуки по каменным ступеням, спотыкались на обмягчевших ногах. Рыдания всхлипывали все громче и

неслись все дальше.

Ну что, парень, теперь ты счастлив?

Помолвку разорвала Сиола. Можешь ли ты считать себя свободным от обязательств перед родом?

Грёбанный вурдалак, нет!

Слезы, как и слово Сиолы, ни хренашечки не решали в данных обстоятельствах.

Лишь напрасно причиненная боль и впустую пролитая обида.

Аррррр!..

Попинав себя мысленно и несколько раз по-футбольному расстреляв угловые стойки ворот своей гордости, я сорвался следом за бывшей невестой.

Девчонку важно было остановить, успокоить и отправить по-возможности домой.

Ситуацию с помолвкой буду решать позже, нужно только не забыть уточнить у Сиолы, как она вообще догадалась, где меня искать. О том, что я буду в комнате, знало не больше четырех человек, но ни один из них не слил бы меня невесте.

***

Грёбаная ведьма!

Я дымился и разгонялся в ярости до сверхзвуковой скорости.

Ну какая же грёбаная ведьма!

И чего не молчалось ей в закромах своей комнаты?!

Начешуя было распускать свой длинный язык и залазить им в непрошенные уши?!

Аррррр!..

Найду и удавлю!

Достала меня эта пигалица в медкостюме!

Где там Дюк посоветовал ее искать? В библиотеке?!

Книжный червь, на всю голову ужаленный!

Самка рыжебородой болотной жабы!

Стерлядь в консервной банке!

Ведьма ведьмистая!

Аррррр!..

...Сегодня утром звонил отец. Разговор был... Был.

Родитель не то, чтобы меня осуждал или стремился продемонстрировать свое разочарование. Он не рычал и не кидался угрозами.

Э неее, это не наши, файтовские, семейные методы!

Просто выстрелил в упор одной фразой, точнехонько в висок: "Я честью семьи за тебя поручился".

Да гребни ж тебя в самые темные дали Великой Пустоши! Ну мне-то начешуя эти знания и очередные обязательства?! Ты поручился, а я исполняй?!.

...Воскресное утро как-то сразу не задалось, может, сглазил кто? Например, одна каштанистая стервь с кислотой вместо крови.

О! Вот, кстати, и она! На ловца и рыбалка организовалась!

Девушка стояла за библиотечной стойкой у стеллажа с каталогами. Мелкая, вредная, отвратительно наглая. Улыбалась своим широким ртом налево и направо, сверкала темными глазами, так и не поняв, какого именно цвета, то ли тёмно-серого, то ли темно-синего.

Ещё одной синеглазки мне не хватало, тут бы с уже знакомой справиться!

И чего эта пигалица так мерзко хихикает на пару со смотрительницей библиотеки? Что бессовестность лохматая, сделала гадость – на сердце радость?! Всем, поди, уже растрепала о сорванной помолвке наследника Файта.

И шут с ней бы, с помолвкой. Мне впору радоваться произведенному на Сиолу Римс впечатлению: быстрее разочаруется – быстрее откажется от брака. Но...

Но!

Одно дело, когда это решение в моих руках, другое – козни дерзкой ведьмы.

Реванша ей захотелось? Жить спокойно в стенах академии устала? Или все гораздо проще, и мелко-пакостная ведьминская месть продолжается?

Меня клинило на ровном месте. Злость закрывала от сознания факты, и я свирепел на глазах, обрастая фантазиями, домыслами и нелепыми подозрениями.

Так...

Так!..

Меняем программу на ходу, а то застоялись мои кони в

стойлах, пора выгуливать.

Никаких тормозов, детка, только свобода, только хардкор!

Шарахнул по входной двери библиотеки своей тяжелой лапой и зарычал, чтобы все убирались.

Смотрительница, невысокая пышная и какая-то абсолютно домашняя женщина, пробовала возражать, однако, куда ей против родового тарана Файтов.

Мы ж, если чего решили, прём напролом, не взирая на желания окружающих и здравый смысл. Мой отец с его поступками тому прекрасный пример. Привет, папа, я – такой же, как ты. Ответственно несу память рода в ничуть неповинные народные массы. Ты доволен, горд, счастлив?

Напуганные грозным вторжением студенты спешно покинули обитель знаний, оставив меня и ведьму тет-а-тет.

В глазах девчонки бушевал мутно-серый океан. Стальные волны захлёстывали рассудок, поднимая к сизой поверхности белое пенящееся возмущение.

Тебе бы бежать, девочка, но какого ж отчаянного вурдалака ты стоишь и компостируешь мне мозг, прожигая в нем плечи своей желчью.

– Прикрою, а то сквозит, – щебечет ведьма и, отпустив меня взглядом, направляется к закрытым дверям библиотеки.

Закрытым!..

Аррррр!..

Сбежать надумала, селедка шипастая?

Не на того ты зуб наточила, не тому свинью ушастую подложить вздумала, не тем...

– А ну стоять! – громовым раскатом обрушаюсь на смертьницу и жду ее покаяния.

Слышишь, ведьмочка? Древние гневаются за грехи твои тяжкие. Пришла пора платить по счетам, накопительная ты наша.

А девчонке все нипочём. Язык, что помело, метёт и метёт без остановки. Глаза сверкают зло, решительно, коварно.

Ой, глупая!..

Ведь ты же лезешь против системы. Кто я и кто ты?! Я – практически состоявшийся маг, потомок древнейшего рода, гордость и оплот всего континента. А ты?.. Я даже имени твоего не помню, если вообще когда-то его знал!

Ты вот все скалишься, и раздражение во мне крепчает.

Ну не зубы же тебе дробить и морду чистить?! Это совсем про слабость и несостоятельность, а я уж не настолько беспомощен.

– Ууу... Уууддд...

А что собственно я собирался с ней сделать?! Удушить? Удавить? Самому удавиться и оттого удивиться?!

ТЬфу!

Удосужиться удрать от нее подальше, тем самым удружив ей, чтобы не удручалась и не удумала удишиться самой?!

Очешуеть, какая ересь плодится в моей голове в присутствии этой девчонки.

Между тем эта невыносимая заноза продолжает стрекотать и подбешивать все сильнее, по итогу и вовсе припечатывая меня словами: "...чем вас, магов, только пичкают, если об основах забывают?!"

...Силы вырвались внезапно и закрутились вокруг нас, образуя воронкообразный вихрь. Сам не понял, что стало тому причиной, кажется, это все ее несмолкающая болтовня. Проточила-таки мою оборону!..

Или особо наглые глаза, так и прожигающие аристократическую темную черепушку.

Хорошо ещё, что природное повеление девчонка не использует, встречались-проживали, повтора не хочется.

Ведьмины бы прелести да в благие цели!

Мои, кстати, тоже...

Энергия плескалась, полосуюя токами окружающее пространство. Я сверлил девицу возмущенным взглядом и пытался вернуть себе контроль, втянуть силу, погасить остаточные магические следы.

Девчонка с застывшим выражением лица и, хвала Великой Степи, наконец-то, закрытым ртом замершим истуканом пялилась на творящееся безобразие. Пора бы с ним завершать, преподавательский состав академии, наверняка, уже оповещен о запрещённом выбросе магсил в зале библиотеки.

Прошел миг, другой, я все держал ведьму взглядом, продолжая возмущенно пыхтеть, но больше уже на самого себя, чем на вредную стерлядь: сила не только не желала усми-

ряться, она всем моим действиям вопреки, наоборот, шла в разнос. Распаляясь и выворачиваясь.

А девчонка вдруг вздрогнула и будто ожила в глазах. Проморгалась, прищурилась, явно прикидывая очередную каверзу, и двинула в мою сторону, покачиваясь тугим стеблем в бедрах.

Ты что, родная, белый свет топтать надоело, захотела внести разнообразие надгробной эпитафией?!

Не жила по-умному, так и преставилась?

Однако, знаешь, чушь все это, что умным мужчинам нравятся глупые женщины! Каждый выбирает по своему подобию.

Поэтому не будь душой и свали к вурдалака скорее!

Я уже чувствовал, как инерционные силы воронки прижимают меня к центру все яростнее. Ещё немного, и развертывание всей сети вращения будет завершено.

...Ведьма оказалась совершенно неправильной. Вместо того, чтобы наслаждаться бесславным концом злейшего врага, она легко и свободно прошла сквозь магические потоки, чтобы...

Ачешуеть...

Либо бессмертная... либо безмозглая... Хотя в ее случае это, наверное, синонимичные понятия.

Беспрпятственно (как ей удалось преодолеть родовую магию?) пройдя сквозь плотные слои воронки и придвинувшись ко мне вплотную, девчонка стиснула тонкими длинны-

ми пальцами мой полувер, потянула на себя, и я повелся. Интересно же, что задумала эта на всю голову неопределенная.

Склонился над ней, с сожалением отмечая, как с треском уходят из-под контроля последние линии силового поля, и...

Ведьма просто врезалась в меня своими губами. Впилась намертво, почище шиаторских пиявок.

Какого?..

Прежде, чем я успел облечь в слова, что именно с нами происходит, и сообразить, куда весь этот беспредел следует безопасно направить, мой внутренний источник силы откликнулся на добровольно открытую ведьминскую силу и принялся ее тянуть, с каждым глотком затыкая образовавшиеся от внезапного выброса родовой энергии бреши, заполняя пустоты и усмиряя разбушевавшиеся потоки.

Девчонка держала меня губами, а я глотал и глотал ее силу, возвращая себе контроль над ситуацией.

Свернулась воронка, рассеялись остаточные эманации.

Я уже подчищал пространство от следов несанкционированного выплеска силы, когда ведьма оторвалась от меня, оттолкнулась и злым обвинительным взглядом уставилась в мои глаза, по второму кругу обрушивая на меня очередное свое стрекотание.

Эй, пигалица?! Это не я присосался к тебе минутой ранее, это ты, с какой-то одному вурдалаку ведомой стати, решила, что тебе подобная наглость позволена.

И кто из нас здесь зол?!

Кто истинная причина всего происходящего?!

А эта Великой Степью обиженная разумом спокойно отвела взгляд и начала с будничным интересом осматриваться.

Аррррр!.. Да ты издеваешься, шмакодявка!

– Госпожа Стэр! Господин Файт! Что у вас здесь происходит? – в библиотеку гремучей цветовой смесью влетела куратор Мэдхали. Изумрудные волосы, темно-бардовый защитный костюм, малиновые маска и перчатки на руках (из лаборатории, видимо, мчалась) и мерцающие синевой беспокойные глаза.

Ещё одна синеглазка по мою голову...

Эта мысль стала последней каплей в чаше моего сопротивления обстоятельствам, и, воспользовавшись мудростью древних "не можешь изменить, возглавь", я отпустил все напряжения, позволив себе, наконец, смиренно расслабиться.

Внутри сытым довольным зверем ворочалась сила, и совершать новый подвиг не желалось никак.

Достаточно.

Пусть сегодня всё идёт своим чередом, обдумывать, строить и корректировать планы по захвату своей свободы и безопасности буду уже завтра.

Глава 7. Малина Стэр

Я была в ординаторской, когда раздался экстренный вызов по внутренней линии.

– Чего это? – удивленно-настороженно поинтересовалась Белка, а вообще-то, Белиора Лашш, ведьма с пятого курса, в чьей родословной все уважающие себя предки развивали целительские навыки на благо репутации семейного дела.

И их семейные дела действительно расцветали буйными садами на просторах нашего континента.

Известные клиники Лашш-корр были высокотехнологичными учреждениями, с лучшим профессиональным персоналом и самыми престижными исследовательскими программами. Но прежде, чем попасть в элиту элит каждому смертному, даже если он из рода Лашш, приходилось изрядно потрудиться во благо своей репутации.

Белка была яркой брюнеткой с зеленющими глазами и совершенно неведьминским характером, ибо ни природного ехидства, ни вредности, ни бессовестного любопытства в ней ни рождением, ни воспитанием не привилось. Зато она являлась крутейшим анестезиологом и микрохирургом, и даже сейчас ее уже жаждали заполучить в свои ряды не только семейные предприятия, но и конкурирующие компании. Белка же выслушивать признания ее уникальности выслушивала, предложения о статусной и щедро оплачиваемой работе

получать получала и слала всех лесом, продолжая работать в медкорпусе академии.

С юной госпожой Лашш мы не то, чтобы были подружками (после истории с Вилкой я с осторожностью определяла категории в отношениях), скорее, близкими коллегами. Именно она помогла мне обосноваться с комфортом на первой практике, она же пригласила продолжать стажировку в стенах хирургического отделения. А уж когда меня волею куратора Дикинса направили сюда на отработку!.. Белка только радостно потирала руки, да и я, признаться, была уж точно не в обиде. Заниматься увлекающим тебя делом, ещё и за чужой счёт – ха, это ли не истинное проявление ведьминского характера!

Единственный момент, Белка на все неожиданности реагировала настороженностью и напряжённостью – я же отмечала, что наше бессовестное сестринское любопытство обошло ее стороной, – вот и сейчас моя коллега, оторвавшись от распития чая с любимыми конфетами, круглыми тревожными глазами смотрела на выход из ординаторской. Будто текущим мигом должна открыться дверь, и тогда нам на головы посыпятся все ужасы, разбуженные сигнальным вызовом.

– Спокойствие, только спокойствие, – хмуро ответила я, поднимая телефонную трубку.

– Смотровые с третьей по шестую, – раздался в ней голос администратора.

– И чего там? – уточнила, перемигиваясь с Белкой и ее на-

стороженностью. Бежать рысью ради всяких глупостей, которые в наших стенах случаются постоянно, я не собиралась. Можно и красивым степенным шагом дойти. Никто не умрет от этого.

Тяжёлый вздох администратора оборвал мои мысленные рассуждения.

Эх, похоже, нужно ноги в руки и мчать.

– Первый курс магов. Боёвка. Испытывали взрывчатые вещества. К сожалению, как обычно – на себе. Стэр, ты и микрохирурга захвати, там разорванных капилляров считать не пересчитать. Дети же...

– Цветы жизни, – добавила я свое выстраданное, – их либо в землю, либо... Лучше сразу в землю!

– И не говори, – очередной вздох администратора сменили гудки в трубке.

– Смелей, вперёд, детвора зовёт! – подмигнула я натянутой, как струне, Белке. – Там все, как ты любишь: множественные разрывы и толпы жаждущих обезболивающего. Наведешь на них иллюзию тропических островов с желтыми песочными пляжами и голубым морским простором или рождественскую вечеринку закатаешь в их головах, и будет детям праздник.

– А ты-то чего так воодушевилась? – снова насторожилась коллега.

– Мне тонко намекнули на оторванные конечности! – от удовольствия я даже глаза в потолок завела. – Профессор

Тимлок мне как раз статью по этому профилю заказал, вот теперь есть и материал, чтобы проверить свои наработки, – мечтательно протянула я, отмечая, как одобрительно и понимающе загорелись глаза у Белки.

Ценный материал для исследования, это каждому целителю понятно, на дороге не валяется, и разбрасываться им не приходится.

А уж когда он в добровольно-принудительном порядке попадает нам в руки!.. Ммммм!.. Здесь сама Великая Степь, не меньше, о своем нежно любимом чаде позаботилась.

Спешно свернув чаепитие, мы двинули к смотровым, где кричали, корчились и стонали шестнадцать юных первокурсников. Дежурная сестра из магичек уже поставила дополнительные звуковые пологи, иначе бы в муках от криков корчились и все обитатели приемного покоя.

На вызов администратора подскочили ещё два дежурных хирурга, один терапевт и анестезиолог. В двенадцать рук и шесть глоток мы скоренько разобрались с жертвами взрывного дела и удовлетворенно-предвкушательно разбежались по операционным. Нам, пытливым умам, поле для новой деятельности только в радость.

Заминка произошла только по части распределения анестезиологов.

Нас, оперирующих хирургов, было трое, анестезиологов двое, но Белка-то ещё и рвалась сшивать всем предоставившим такую возможность сосуды.

Дело уже шло к драке, а ведьмы все никак не желали договориться. Впрочем, тут мой подопечный лишился пульса и решил-таки исход конфликта: я умыкнула ворчащую Белку себе, аргументировав ей вынужденный выбор тем, что работы по профилю в предоставленном экземпляре нам хватит на двоих за глаза. К тому же в смотровых оставались ещё жертвы собственной неосторожности, поэтому практиковать нам обеим полнехонький день, освободиться бы к вечеру.

Медкорпус отпустил уже за полночь. Маги-первокурсники попались упертые и лечиться нужным образом отказывались. Да и взрывное устройство вышло с магической начинкой, раны вели себя совершенно своевольным, подчас вовсе непредсказуемым образом.

В комнату общежития я буквально вползала.

На входе меня встретила домовушка, тетка Ыгая, и сразу уточнила, желает ли мое ведьмачество поздний ужин.

Ведьмачество желало в душ и спать, но домовушка была женщиной упертой, оттого и настояла на стакане молока с живительным медом.

Последнее было не столько фигурой речи, сколько точным определением сути: живительный мед поднимал на ноги любого обесточенного, обессиленного и даже интерес к жизни утратившего. Действие нектара было временным, скорее, мобилизующим, нежели в действительности напитывающим, и употреблять его рекомендовалось исключительно в крайних случаях.

Мой случай крайним не был.

На мой взгляд так точно.

По мнению тетки Ыгаи, со стороны все выглядело несколько хуже, но я настояла на своем: молоку – да, живительному меду – нет.

Соседки Вилки в комнате не наблюдались, наверное, ещё гуляла где-то или заночевала у одного из своих кавалеров. За ней это последнее время частенько водилось, ну дык мне и лучше. Меньше народа – больше кислорода. И учебе никто не мешает.

С той памятной подставы с моими вещами Вилка вела себя смирно, в друзья не набивалась, на рожон не лезла. К моему имуществу руки свои тоже больше не протягивала и горьких обвинительных слов в мой адрес не произносила.

Уж не знаю, что или кто на нее повлиял, может, домовые тогда вмешались или честь в ней ведьминская очнулась, но подрывная деятельность в стане врага была прекращена. Да и не вышло бы у нее ничего, домовый народ, если уж что под опеку берет, ни за что из внимания не выпустит, такая у них природная суть.

После насыщенного дня и стакана теплого молока спала я крепко, потому и тяжёлый стук в дверь расслышала не сразу.

С трудом оторвав голову от подушки, глянула в окно – часов пять утра, должно быть, – и сунулась обратно под одеяло, ещё и воздушным пологом сверху прикрылась, чтобы не отвлекаться на всяких ранних пташек, двери спросонья по-

путавших.

Но неспящий долбящий все не унимался.

Рядом с кроватью появился бывалый домовик дед Эш и тихонько так зашептал мне в уши сквозь все одеяльно-пологовые кордоны. Может он суть происходящего от нутра к нутру передавать, минуя материю, пространство и время.

– Линка, ты это, просыпайся давай... Там Твое Бешенство заявилось... Странный он какой-то, двери уж полчаса как выносит, но все тихо, без криков и ругательств. Может, онемел вдруг? Или проклятие какое словил, благоверный-то твой?..

– Чего?!

Вынырнув из-под укрытия, я уставилась в широкое лицо с маленькими черными глазами-бусинами и пышными, чуть желтоватыми усами. В кулуарах академии этого добродушного домовика прозвали Бармалеевичем, был такой герой в народном эпосе деминатосов. Надо сказать, тоже весьма неоднозначно относился к детям и их присутствию в своей жизни.

Ну а то, что усы домовика желтизной отливают... Любил, любил, что уж поделатъ, дед Эш посмолить папиросину в период трудового затишья. Да не простую, а с той самой табачной травой, которой ещё первый древний баловался. Так, по крайней мере, домовик всем интересующимся рассказывал, но секрет, откуда же в его распоряжении та самая табачная трава, никому не открывал, отбрехиваясь дежурным: "Там,

где было уже нет, а где будет, я не скажу, ибо нечего на святое руку немытую поднимать".

И вот ночь – не ночь, утро – не утро, а стоит передо мной дед Эш и в дверь продолжает исправно стучаться Его снобско-злбское величество, аристократизмом Файтов по всему организму пропитавшееся.

Поэтому, как бы мне не хотелось забраться обратно в свою уютную нору и спрятаться там ещё, как минимум, часа на два, разобраться с Его Бешенством значилось сейчас первоочередной задачей. Игнорировать его и дальше было чревато непредсказуемостью. В ещё одну недельную осаду входить страсть как не хотелось: у меня две интереснейшие плановые операции приближались.

И все же, что он здесь делает?

С тех самых пор, когда достойнешая ведьма дала отпор мразоте первостатейной, магом и надеждой континента по ошибке зовущейся, не освещал боле господин Файт своим древнейшим ликом мою обитель.

Отчего же сейчас приперся?!

Витая в этих мыслях, запутываясь в складках одеяла и ругаясь на недостаточный сон, я дотащила себя до двери и широко распахнула ее.

– Ну?! – грозно прошипела в полумрак общего коридора, впрочем, за порог комнаты не перешагивая.

По эту сторону дверного проема моя территория была, ее домовики особым образом зачаровали. Именно их магию

Файт со всем своим арсеналом в прошлый раз так и не смог одолеть. И, если кто направит на меня что недоброе, бросит слово, предмет ли или заклинанием швырнет, то не пройдет зло через барьер комнатный, останусь цела и невредима я, коли сама с дурной головы не высунусь.

А я не высунусь, оттого за пороговой линией и слежу. Поэтому и уверена в своей безнаказанности и безопасности.

Его Бешенство и впрямь стояло по ту сторону дверного полотна. Глаза в пол, руки в кулаки сжаты да на стену справа от прохода возложены. На первый взгляд маг как маг, ничем от себя прежнего не отличимый, разве что напряжённый какой-то, ну и не адекватный, раз сюда приперся.

– Чего надо? – ещё один шипящий вопрос в мрачную тишину коридора.

В ответ снова молчание, только Его Бешенство сильнее напрягся, руки аж подрагивать стали и энергией во все стороны от него зафонило, как от бомбы, что вот-вот рвануть должна.

Ааааа, так вот оно что!

На пороге моем оказывается обретается маг с угрозой разворота силы в полную мощь, да и ладно бы это был простой, самый обычный маг...

Нет, у нас же отпрыск именитого рода, аристократ в двадцатом колене, магией древних под завязку напичканный.

Странно все же, что прежде у Файта проблем с контролем я не замечала, да и зачем он в преддверии инициации, в

раздражённом состоянии пришел ко мне. Ему бы к куратору или на полигон, на худой конец, ведь, если сила рванет, само Файт не пострадает, максимум, магическое истощение заработает, а вот окружающие разлетятся пухом и прахом.

А уж учитывая наши с ним взрывоопасные отношения! Он сейчас не просто тикающая бомба, а ещё и в бочку с бензином добровольно брошенная. Осталось лишь чиркнуть спичкой и прости-поощай.

Дохламу же вурдалаку тебя на растерзание, грёбаный ты Файт!

Так, Лина, солнце мое разноликое...

Ведьминским вредный характер – на привязь, ведьминские сопереживание и жизнелюбие – грудью вперед.

Ай, как не хочется-то...

И ведь как славно жили!.. Он маг – недомаг, я ведьма – истинно ведьма. А теперь что за окрошка получается?!

Интересно, если я дверь осторожненько так закрою и сделаю вид, что ничего о происходящем в коридоре не знаю, выстоит ли магия домовиков супротив спонтанной инициации мага? Убережет ли светлый народ спокойным сном спящих студентов или сейчас в моих руках буквально жизни всех обитателей нашего общежития.

– Нет, Линка, тут уж ты сама, – раздался за моей спиной голос деда Эша. – Если этот рванет, мы точно не удержим.

– А кто удержит? – ведьмы народ не только упрямый, но ещё и пытливый очень. Особенно когда речь о нашем ком-

форте заходит.

– Только род мог бы... наверное, – протянул домовик.

– На так пусть он в род и идёт! – мгновенно оживилась я, уже предвкушая скорое разрешение возникшей ситуации без моего в ней участия.

– И пошел бы, если бы мог, – расцепив зубы, подало голос Его Бешенство. – Заканчивай привередничать, ведьма, и давай уже целуй!

Глава 8. Малина Стэр

– Чтооооо?! И это я – привередливая?!

Это меня он назвал привередливой?!

О Великая Степь, дай своим детям терпения!

Можно подумать, это я с придирками, капризами и вздорными прихотями!

Можно подумать, это я заморачиваюсь на своих предками переданном статусе и чистоте родословной!

Можно подумать... Да все, что угодно, можно подумать обо мне, кроме той самой привередливости!

Я – вредная, упрямая, желчная, мстительная... ещё раз мстительная и ещё раз упрямая... и вредная, и желчная...

И избирательная!

Но не привередливая!

Гадость какая, а не слово!..

Что я – цаца в дцатом аристократическом колене, чтобы жеманничать и капризничать?!

Я – взрослая целеустремлённая ведьма, точно знающая, чего хочу, куда иду и какой ценой.

И пусть этот гад брюнетистый, статусом важности передавленный во всех стратегических местах, свои домыслы оставит при своем скудном мировоззрении и недальновидности!

Я пыхтела и пыхтела, как чайник, чью крышку забыли

плотно закрыть, а на плиту, давненько уж шкворчащую, поставили.

Так и бурлило бы во мне негодование, не выдыхаясь, если бы...

И тут меня осенило, что и не в привередливости-то дело!

– Чтооооо?! Целовать?! Тебя?!

– А говоришь, непривередливая, – хмыкнул через силу маг. – Целуй давай, и разойдемся!

– Да за каким ху... художеством мне тебя целовать?! – возмутилась я, забывая о сути происходящего и катастрофе назревающей, моим искрящимся негодованием подпитываемой.

– Это... снимает напряжение... – слова давались Файту с трудом, бледные губы едва-едва выталкивали их, практически выплевывая.

– Ну так иди и снимай напряжение в других местах!

Будет ли гордая самодостаточная ведьма подбирать за женским обществом столь попользованную во всех смыслах, вариантах и позах персону?

Конечно, нет!

– Других... ведьм... я уже... целовал... – было бы во мне жалости побольше, честное слово, пожалела бы его. – И не сработало... – В этом месте всякий намек даже на остаточную жалость пропал совершенно. – Осталось... повторить... с тобой...

Да щас! Вот разбежалась прям, ага!

– Я за другими объедки не подбираю!

– Ой, дура-баба! – схватился за голову дед Эш, заголосив фальцетом. – Ведь рванет же сейчас мужик, а ты, как есть, привередничаешь!

– Я не...

– Привередничаешь! Целуй, тебе говорят! – возопил домовик и даже кулаком для острастки потряс.

– Вам надо, – вспомнила я о манерах... и уважении к себе, – вы и целуйтесь!

На вредную ведьму нельзя давить, от этого она только непримиримее делается.

И я уже почти хлопнула дверью, почти закрыла эту историю для себя, как и хотела, без моего в ней участия.

Да я почти уже стерла из вредной ведьминской памяти сам факт наличия у моего порога господина Файта, снобско-злобского аристократа и редчайшего паршивейшего характера Его Бешенства.

Все это случилось почти, оставив в моем сознании приятные следы воображаемого послевкусия, но тут мага затрясло так, что заходила ходуном в комнате мебель, задрезжали дребезгом стекла, захлопали хлопушками двери.

Сам же Файт стоял белее белого, крепко сжатый, глаза плотно закрыты, и вокруг него разворачивала свои кольца силовая воронка.

Энергия билась жгучими токами, разрезала острыми лезвиями мигом высохшее, словно изжаренный лист, простран-

ство.

Дышать стало крайне трудно, раскалённый воздух вязкой лавой забивал трахею, опалил внутренности, набивал сознание угарным газом. Внимание слоилось, путалось и норовило сбежать, забиться в дальний угол и переждать надвигающийся катаклизм.

В коридорном закутке резко похолодало. По полу, стенам, дверному брусу и оконным рамам побежали змейки изморози. И наведенные чары домовых им действительно не стали преградой.

В вихревых струях заискрились первые молнии. Неоновые вспышки разгоняли токами воздушные массы, подстегивая двигаться ещё стремительнее. Наэлектризовались даже мои волосы и теперь торчали напряжённой шапкой каштановых антенн.

– Лиинка! – протяжный вой деда Эша раздался где-то за моей спиной и был чуть слышным сквозь гул нарастающей воронки. – Лиинка, ведьма бессердечная!

Я даже сделала попытку обернуться и найти взглядом бывалого домовика. Не складывался у меня в голове его образ и этот самый протяжный вой.

– Зараза упрямая, ведьма ведьмистая, целуй скорей этого мага всей родовой системой недобитого, пока он общежитие не поугробил!

– Я лучше его отравлю или прокляну, сейчас только сообщу, что сильнее будет и на какие выкрутасы его магия

не реагирует.

– Дура ты, хоть и ученая! – злился, выл и снова злился домовик. – Иницилирующая воронка обладает экранирующим свойством! Все за ради того, чтобы наследная сила обрела носителя без каких-либо проволочек, затруднений и вмешательств со стороны!

– Но я же в прошлый раз, там, в библиотеке, совершенно запросто прошла сквозь вихревые потоки!

– То-то и оно, ведьма ты характерная! Соображай, милая, да поскорее! Не зря же он, коли не врет, со всем женским сообществом перелобызаться успел, пока до тебя дошел. Значит, есть в тебе самой что-то, его энергию уравнивающее. И знаешь, ему ведь тоже не за радость с тобой поцелуи тут разводиться, неприятно, видимо, раз ты финальная в его списке-то.

– Ну разве что ему неприятно, – уцепилась я за светом согревшую мысль и решила ее развить в действии.

Если мне неприятно, пусть ему будет вдвойне неприятно!

Ведьма подумала – ведьма сделала выбор.

А дальше все уже шло, как по накатанной: скользнула сквозь беснующиеся энергопотоки навстречу своим целям, вцепилась в распахнутую на груди белую рубашку мага, притянула его голову да пониже, чтобы не мне тянуться и изгибаться, а ему надломленным деревом качаться, и толкнула себя в его губы, столь же острые и холодные, как скальные утесы под проливным дождем...

Так думалось мне прежде, чем на мое техническое, наполненное лишь злостью, обязательством и мстительным удовольствием прикосновение ответил горячий медово-тягучий ураган.

И где что пряталось по прошлому разу?

Холодная каменная глыба?!

Да щас!

Если уж и была глыба, то вся сплавилась под действием невероятного внутреннего жара, сухого знойного ветра дыхания, захватнически атакующих желанную добычу хищных губ.

Я как занырнула на всем ходу в эту горящую реку диких инстинктов, так и бултыхалась в ней, едва лишь выплывающая на поверхность за долгожданным глотком так нужного сейчас воздуха и надежды на спасение и снова поглощаемая вышедшей из берегов разумности стихией.

Я боролась с ней, с собой, с чувством накатывающего ужаса внутри и вместе с ним подспудного ощущения правильности происходящего, логической обусловленности текущих событий и необходимости расслабиться, отдаться процессу, раствориться в его сути.

Уже не чувствуя ничего, ни верха, ни низа, ни сторон горизонта, ни окружающих меня предметов, я плыла в огненной реке, изворачиваясь, соблазняясь, занырявая все глубже, знакомясь со стихией и знакомя себя с ней.

Сколько же времени прошло и сказать сложно. Толь-

ко плавающий, одурманивающе-поглощающий стремительный поток сменился прохладно-чистой гладью озера, кристально-ясного, устойчиво-размеренного. На его поверхности золотыми искрами звучало солнце и мерной сытостью отдавала тишина.

В этой тишине я и распахнула глаза, осознавая весь ужас произошедшего...

Чтобы ведьмы использовали других себе во благо – это понятно. Не то, чтобы я одобряла, однако, это хотя бы в ведьминском вредно-мстительном характере.

Но чтобы пользовали ведьм?!

Пришел в раздрае, гаркнул: "Целуй!", получил желаемое, усмирил силу и свалил, как ни в чем не бывало?!

Да где это видано???

Шаг назад в тепло и безопасность родной комнаты, параллельно с этим разорвать контакт с бесящим магом, замершим, как божок на постаменте, нащупать рукой шершавое полотно двери и кааааак хлопнуть ей прямо перед самой наглой мордой на свете.

Ибо нечего!

Слово настоящей ведьмы!

– Ндааа... Сильна... – удивленно-озадаченный голос домовика привел злую ведьму в состояние боевой готовности.

Лихо крутанувшись на пятках, я наставила на него трясущийся гневом указательный палец и выцедила:

– А ты!... Вернее, Вы! – вспомнила вежливая ведьма об

этикетке и уважении к себе и ближнему своему. – В следующий раз будете сами с ним целоваться!

И смертоносной фурией я понеслась в душ, потому как за окном во всю мощь разворачивал свои крылья солнечный день.

Часы показывали восемь утра, и это удивительно, что никто из студентов нашего закуска ещё не шарахался по коридору, ведь столовая была уже как полчаса открыта.

Не шарахались – и на том спасибо. Меньше свидетелей – меньших убивать.

...За моей спиной тихо бубнил дед Эш, готовя стол для завтрака и все приговаривая и приговаривая: "Дааа, дела", и я была полностью с ним солидарна: куда приведут нас такие дела предугадать было невозможно, но все же попытаться стоило.

Видит Великая Степь, точно стоило, но разве ведьме в справедливом гневе до этого?!

Глава 9. Сэдрик Файт

Магическую академию прикладных дисциплин при Совете Верховных я выбрал самостоятельно.

Во-первых, учебное учреждение располагалось далеко от дома. И моего, и рода Римс.

Во-вторых, это был престижный пансионат с хорошо охраняемой территорией, полным содержанием, обязательным ежедневным проживанием и всей необходимой инфраструктурой, поэтому видеться на постоянных основах с доставшей до самых печенок родней и теми, перед кем искупаю семейный долг, я перестал.

Как можно более суровые испытания при поступлении в академию и при последующей учебе стали третьим условием выбора альма-матер, ведь трепетное родительское сердце Римсов не пожелало бы в таком случае отправить вслед за мной юную изнеженную магину Римс.

И в этом я ничуть не прогадал.

Действительно не пожелало и не отправило.

Подобрали ей по-соседству подходящее для девушки заведение, распорядки жизни которого, как и моего, вносили в частоту и качество наших встреч свои ограниченные определения. И хвала им за это!

А самым главным в академии при Совете Верховных был сам Совет Верховных. Структура на континенте независи-

мая, власть держащая и пусть аристократами не обделенная, но состоящая не только и не столько из магов, сколько из достойных господ, доказавших делом свои честь и благородство.

Последнее было решающим и кардинально повлиявшим на мой выбор.

Справляться с родовой системой без поддержки более мощного ресурса – все равно, что плевать против ветра, только уделаешься по уши и представление организуешь.

А что может быть мощнее родовой системы, если не система государственная! В политико-правовом контексте уж точно!

В уставе Магической академии прикладных дисциплин было прописано еще одно важное и весьма обнадеживающее меня правило: все учащиеся и преподаватели данного заведения с первого дня зачисления назначались военнообязанными, то есть являлись лицами из запаса вооруженных сил самого Верховного Совета и в любой момент могли быть призваны на службу во благо общества и власти.

Лично мне данная необходимость светила исключительно приятными последствиями: регулярные полевые практики, различные мероприятия боевой учебы, внеплановые выезды на отработку военных маневров.

И значит что?

Значит, я по самым уважительным поводам лишён был права частых личных встреч и выездов за пределы академии

по личным же вопросам.

Да и вообще все личное и даже сверхсрочное при таком раскладе отметалось решительной рукой руководства академии до наступления более благоприятного времени, и никакие обращения могущественных родственников ни брались в расчет великим и ужасным ректоратом.

Так мы и жили шесть дружных лет, порой неделями пропадавая на полигонах, стрельбищах, тренировочных площадках, имитирующих ландшафт различных уголков нашего континента. И, по-честному, лишь убираясь в неведомую глушь среди опасных тварей, чей укус мог убить за доли секунды, среди жутких болот или зачарованных древних песков, я ощущал себя по-настоящему свободным. Лёгким, весёлым и даже счастливым.

Извращение, скажете вы? А вот чем богаты, тому и радуемся.

До сих пор удивляюсь, как этот фокус с учебой мне удалось повернуть. А с другой стороны, под нашу родовую силу требовалось особое заведение, здесь абы что не подошло бы, отсюда и выбора ни у рода Файтов, ни у рода Римсов как такового не было. Сама жизнь сыграла на моей стороне.

А Сиолу в ту чудную субботу разоблачения моих постельных подвигов я, всё-таки, догнал и даже проводил до ворот академии, однако, оправдываться перед девушкой не стал.

Не из чувства гордыни или высокомерия.

В ее конфузе моей вины не было, ситуацию с обнаружением неприятной для нее информации я не подстраивал. Соблюдала бы она обозначенные границы, сохранила бы себя от слез и печали.

Но я искренне принес извинения и сказал: "Мне жаль, что ты узнала об этом и именно так".

Девушка, конечно, оставалась расстроенной, но хотя бы плакать горько и обидно перестала.

Позже я связался с ней ещё раз, уточнил, как она добралась к себе, и с тех пор мы не общались.

С отцом после произошедшего я так и не поговорил толком. Сам не звонил, родитель тоже больше не объявлялся. Да и хвала Степи! Страсть как хотелось передохнуть от всех нервяков и напряжений.

Мне затишье было только в радость. К тому же куратор Мэдхали подсобила с полевой работой. О произошедшем в библиотеке выбросе сил она не задала ни единого вопроса, лишь уточнила, следует ли ей переживать, и, получив однозначное нет, вернулась в лабораторию. А вот спустя несколько дней куратор "поощрила" особо "успешных" старшекурсников спецзаданием "нянька для второгодок на выезде".

Я всегда был за любой кипиш подальше от академии, не думал возражать и сейчас: мне бы где угодно, лишь бы числиться на официальной практике, без средств связи, без возможности встречи и с весьма сомнительным сроком возвращения назад.

Закинули нас малыми группами в земли близ Великой Пустоши, конечно, на те участки, что были особым образом укреплены и обезопасены. Хотя второгодки об этом оповещены не были, и мы вели мелкую пацанву среди серых выцветших пейзажей, с ностальгией слушая их вздрагивания, причитания и воодушевляющие напутствия.

Когда-то и на нашу долю выпадали первые подобные испытания.

Когда-то и мы впервые встречались с пугающими до икоты жуткими мразями Пустоши и жалкими падальщиками прилегающих территорий.

Когда-то и мне по первости казалось, что среди таких хищников я, что тварь беспородная, закуской для острозубых существовать лишь могущая, и мало какие личные или родовые силы, спецоборудование, секретные ловушки и суперсовременное оружие смогут помочь мне выжить.

А после первой же подобной практики я уяснил главное: не стоит недооценивать себя. При желании жить наш организм способен изворачиваться таким сложновообразимым конструктом и тем не менее находить выход из самой тупиковой ситуации.

Я видел это на примере кураторов, старших сопровождающих, на своих однокурсниках и испытал не раз этот эффект на себе.

Как по мне, он стал лучшей прививкой от хандры неизбежности. Лучшим лекарством от беспомощности. Лучшим

мотиватором для освобождения.

Именно поэтому, когда из-под блеклого пепла, в недрах которого пряталась живая земля с ее голодающими обитателями, полезли длинные серые щупальца, я не стал вмешиваться, не бросился командовать и не возопил о тревоге.

С меланхоличным выражением лица и лёгкой тоской о своем прошлом подобном опыте я держался чуть в стороне и внимательно отслеживал перемещения, реакции и действия отряда второкурсников.

Сначала они испуганной ордой безмозглых троллей бросились в рассыпную, кто-то из самых несдержанных начал швыряться родовой силой, чем ещё больше вызверил животное, которое до этого лишь проявляло любопытство и жрать пока никого не собиралось, но об этом юным дарованиям расскажет профессор Кнайф сразу же после возвращения с практики. То-то посмеются они над собой, когда им ещё и видеозаписи их слабоумия и отваги приложат. А ведь профессор, наверняка, давал им перед выездом в "поле" несколько пространственных намеков, это его обычная стратегия обучения. Ну что ж... В этой группе явно никто всерьез не отнёсся к его словам, и зря, огребутся они во время зачёта и экзамена по самую макушку. Теперь, пока не вызубрят каждую тварь Пустоши, ареолы ее обитания, особенности поведения, из лап такого хищника, как Кнайф, не выберутся. Он-то пострашнее всех жителей Пустоши будет.

Оп!.. Я вытащил из-под неизбежного удара двоих слиш-

ком зарвавшихся ребят, чуть усмирил магией разгорячившееся животное и, наконец, увидел сплоченную работу правильно обученной команды.

Так-с, и кто же у нас такой инициативный и смекалистый? Ооо!.. Девчонка из рода Тейтов!..

Нужно будет шепнуть приятелю Дюку, что его младшая сестрёнка обставила-таки старшего братца по всем фронтам.

...С учений мы вернулись слегка потрёпанные, немного утомленные, но определенно более близкие и понятные как для друг друга, так и для самих себя.

Сдав гомонящую пацанву на руки их куратору, заполнив все необходимые отчётные документы, я, наконец, добрался до своей комнаты и занырнул в желанный душ.

В походных условиях нам помогала блюсти гигиену магистка и бытовые чары, но лучше естественного потока тугих струй воды я пока ничего не встречал. Ионно-плазменная обработка или другие химико-термические способы очистки ни в какое сравнение с этим удовольствием не шли.

Благословенное изобретение – душ!

В плотных водных потоках происходит не только очищение физическое, но и в эмоциональном плане легчает неизменно.

Стихия смывает и уносит с собой все лишнее, наносное, шелуху отжившего ментала облепившее. Горячие струи хлещут по макушке, щекам, спине и каждая пора раскрывается, выпуская сдерживаемое наружу. Каждая мышца вы-

дыхает, ощущая желанное расслабление. И каждая мысль, сверлом выедающая до селе мозг, решает взять паузу и помолчать.

Благословеннейшее изобретение – душ!

Спускаясь к ужину, я был свеж, полон сил и ощущал себя так, что желал обнять весь мир: жизнь всё-таки стоящая штука и хорошо бы, чтоб всегда стояло у меня!..

На этом внутренний диалог споткнулся, ибо под ноги бросилось воспоминание маренговых глаз одной несносной ведьмы, и меня передернуло: нет уж, пусть все идёт своим чередом, минуя какие-либо вмешательства извне. Особенно по части стояния!

Бууумс!!!

Да чтоб тебя древние на части разорвали!

Глава 10. Сэдрик Файт

Камаз-многогонник на полном ходу размазал по стене и меня, и существовавшее уже только в прошлом мое хорошее настроение.

– Уййй! – знакомый голос знакомыми интонациями определил всю тягость текущего бытия.

– Убью! – прорычал я и оттолкнул подальше впечатавшееся в меня тщедушное тело.

– Э-ттто лишнее, – ехидно захихикало недоразумение и перешло на многострадальное: – Ой-ёоооо!..

– Когда-нибудь ты доиграешься, – уже без всякой сердитости встряхнул за плечо неугомонного приятеля и поддержал его шатающийся организм. – Что, снова с Макойтом рюмками мерялись?

– Не... заклинаниями опьянения... Ик!.. – ответил Дюк Тейт и с важным видом добавил, – и трезвости!.. Но Макойт... вурдалак смердящий... в последнем... Ик! ...оказался несилен... иии... Ик!.. Э-ттто... Уффф...

Парень замер на середине фразы и устало провел по волосам изящной, практически женской рукой с фамильным перстнем Тейтов на указательном пальце. Я свой родовой перстень не носил, Дюк же тыкал им по случаю и без.

– ...Мааа-койт... Сссобака... Нннакачать нннакачал, а... подлечить не смог. Не то, что я!.. – гордый взмах выбелен-

ной макушкой вверх, и я успел убрать свой подбородок в последний момент, не то трещать бы сейчас зубам и ныть бы челюсти.

– Не то, что ты, – подхватил фразу друга и рассмеялся, приобнимая вдрызг пьяного приятеля.

За неподобающий вид серьезное наказание ему не впаяют, но отрабатывать точно заставят, а нам в принципе ни к чему отвлекать от важных устремлений благородных преподавателей, справимся и сами.

Взмах рукой, да такой, ненамеренный, что и не подумаешь о наведении чар. Капля сил из общего круговорота внутри меня, точное ее распределение по векторам трёх направлений: кровотока, лимфоток, нервная система Дюка. Ментальным повелением ушел посыл на очищение.

Взгляд приятеля посветлел и принял цвет чистого весеннего неба, крепкое чуть сухощавое тело центрировалось.

– Благодарю-с, – шуточный поклон с расшаркиванием от вечного паяца.

– Будь добр, повзрослей! Заканчивай с Макойтом достоинствами мериться.

– Не, мужик, это обязательная часть веселья! – Дюк достал из кармана брюк извечные леденцы и закинул парочку в рот. – Ни капли же не пил, а во рту вкус попойки.

– Помойки?

Легкое дурашливое настроение снова набирало свой ход. Рядом с Дюком вообще сложно было грустить, его неис-

сжигаемая энергия подкидывала столько задач разом, что на скуку, меланхолию или апатию сил просто не оставалось.

– В этот раз, как видишь, обошлись без нее, – и друг даже вздрогнул от воспоминаний, смердящих аммиаком, ацетальдегидом, альдегидами, терпенами и прочими ароматными соединениями, коими славятся мусорки любого поселения континента, – но спасибо тебе ещё раз...

– ...Раз в дватый уже... – вставил свое ценное неудержимое я.

– ...что вытащил тогда из той реальной помойки! – было дело, спасал приятеля после его очередного замеса на спор.

– Когда-нибудь тебя, всё-таки, засекут, – я добавил в голос больше беспокойно-укоризненных нот.

– Ну не высекут же и ладно... А штрафной я отработаю, – самоуверенно заявил приятель.

– Отработаешь... Конечно, отработаешь, ты этим шесть лет занимаешься.

Дюк боднул меня в плечо, а я отвесил ему подзатыльник. За лёгкой мальчишеской перебранкой мы и добрались до столовой.

– Как кураторство прошло? – взгромоздив на стол поднос, полный снеди, задал вопрос младший Тейт.

– Как обычно, – усмехнулся я, – завтра профессор Кнайф знатно повеселится за счёт второгодок.

– Опять раньше времени сорвались?

– Ага, набросились на беднягу Крипера, когда он только

на разведку вылез. Ни совести, ни уважения к древним разумным тварям Пустоши.

– Какие кровожадные второгодки пошли! – еда исчезала в недрах худосочного тела со скоростью света.

– И знаешь, кто переломил ход избияения младенцев? – с прицелом задал вопрос я, точно зная, что правильного ответа от Дюка не дожидаться: не дооценивал он свою младшую сестрёнку, впрочем, так же, как и большинство мужчин весь женский род.

– Младший Вальяс? Или Герт? Говорят, парни уверенно лидируют в общем зачёте второкурсников, – подтверждая мои ожидания, наследник Тейтов пошел грести не в ту сторону.

– Да шас!.. – предвкушение реакции приятеля так и жгло в груди. – Я этих двух олухов едва из-под удара вывел, слишком зарвались, слишком были самоуверенны.

– Семейные ценности, – хмыкнул Дюк, уплетая по новому кругу ещё одно первое и второе. – Нам, аристократам, позволительна некоторая заносчивость.

– Смотря где, – не согласился я, четко понимая, что на поле боя никаких реверансов и скидок на род не будет. Там либо ты, либо тебя. – А героем этой вылазки стала твоя сестра, дружище! – Тейт подавился, закашлялся. – Она достаточно быстро разобралась в происходящем и организовала из трюльего безобразия вполне себе приемлемый отряд юных боевиков. И Крипера она раскусила, не сразу, конечно, но все

же...

Внезапно перед моим лицом на уже опустошенный поднос свалился конверт с семейной гербовой печатью.

– О! – воскликнул Дюк, утирая проступившие слезы. – Оно, всё-таки, нашло тебя! Два дня в твою комнату ломилось, пока ты прохлаждался на практике.

На сообщение из дома я смотрел, как на опаснейший боевой артефакт. Чуть шевельнешься не так, и будет такой бумс, бамс и хрямс, что не каждый-то и выжить сможет.

Движением руки, только магией, предпочитая не дотрагиваться до бумаги, я распечатал конверт, освободил плотный картонный лист кремового тона с вензельными буквами в заглавии – "Приглашение на брачное торжество".

С самым черным предчувствием я пробежался глазами по строчкам вниз и потерял контроль.

Дюк в последний момент успел подхватить свой едва ли на половину опустошенный поднос, а я уже с ревом большого животного, красной пеленой на глазах и едким дымом вместо воздуха в лёгких переворачивал наш стол.

Храбрецов спасти мой поднос вместе с посудой не нашлось, поэтому он улетел в паре со столом.

Звук ломающейся мебели, грохот разбивающейся посуды и звон металлических столовых приборов разукрасили своей мелодичностью тихий ужин студентов и преподавателей.

Куратор Мэдхали подскачила ко мне буквально через несколько секунд, но я лишь рыкнул на ее вмешательство,

что в порядке и сам справлюсь.

Нужно было уходить подальше от глаз общественности и тормозить разворачивающиеся во всю мощь родовые силы, а происшествие в столовой академия переживет. Всего лишь очередная выходка Его Бешенства! Наследник рода Файтов в который раз продемонстрировал свой непростой характер!

Бесят!

Аррррр!..

Энергетическая воронка уже высвободила свои кнуты и стегала жгучими плетеными ремнями меня по бокам, подхлестывая, подначивая, подзуживая, целеустремляя.

– Я сваливаю, – едва сдерживаясь, чтобы не рычать, выцедил я, и широким шагом двинул прочь.

Что в прошлый раз помогло успокоить силу? Правильно! Поглощение ведьминского резерва. Значит, хватаем любую ведьму и отдаемся на волю глубоких поцелуев.

О, а вот и первая желающая...

***

Вурдалакам всех в пасть, мне не легчало.

Совершенно.

Абсолютно.

Никак.

Каждая не та ведьма лишь добавляла раздражения, подливая во внутреннюю агонию ещё больше горючего топлива.

Не тот вкус, не тот цвет, не та сила.

А сообщение от отца и без того выжигало нутро. "Рады вам сообщить, что брачная церемония между наследниками родов Файт и Римс перенесена на первый день преобразования. Пусть сама весна откроет молодым дорогу счастья и взаимной любви".

Ачешуеть какая чушь!

Отец, конечно, подложил не просто свинью, целого свинорылого вурдалака на блюдечке с золотыми вензелями!

Брачный обряд изначально планировался на лето после моего выпускного, но, по-видимому, нежданно-негаданный приход Сиолы в мою обитель сладострастия и порока внёс свои ужасающие коррективы в сроки отмеренной мне свободы.

– Рик! – это озабоченный на все части тела приятель следовал за мной, подсовывая то одну, то другую ведьмочку.

Девчонки, должно быть, думали, что это какая-то акция невообразимой щедрости от снизошедшего до них вниманием аристократа и сами падали в мои неверные объятия, позволяя заглатывать себя поглубже да пожестче.

И это нихренашечки не помогало.

Мы обошли с Дюком почти все ведьминское крыло, в коридорах уже давно был погашен основной свет и лишь полумночные светильники оставались свидетелями нашей разнужданности и безнравственного разврата.

Мой приятель молчаливой тенью двигался рядом, не лез

под руку, не доставал словом, он вообще старался ничем не отвечивать, и я за это был ему крайне благодарен. Приятно, когда даже не посвященный во все нюансы близкий, остаётся с тобой без каких-либо вопросов и рекомендаций. Просто так. Да ещё и помогает по мере возможностей.

– Рик! – снова попытался обратить на себя мое внимание Дюк, и на этот раз я среагировал.

– Ну? – буркнул, отправляя восвояси очередную жертву поцелуя с Его Бешенством.

– Дружище, ты их перебираешь, как я одежду в гардеробе в поисках чего-то эдакого, когда в который раз нечего надеть, но надеть хочется что-то особенное. У тебя есть конечная цель или сама цель – развлечься подобным образом?

– Я ищу ту, что уменьшит это гребанное напряжение, а они все только еще больше раздражают родовую силу.

– Так, может, организовать тебе смену блюд и вместо ведьмочек подогнать парочку классных магичек? Чего девчонок зазря обижать?

– В прошлый раз помогла ведьма, – рыкнул я, все больше теряясь в разворачивающейся мощи родовой магии.

– Какая ведьма? – ухватился тут же за сказанное Дюк.

– Та самая...

– Та самая?.. Та самая?.. – задумчиво бормотал приятель, пока я, пошатываясь, уже полумутным взглядом прокладывал себе дорогу вперёд. – Да лаадно, мужик! Неужто и вправду та самая? Реально? Как ты вообще додумался с

ней связаться?! Она же настоящая ведьма!

На это я лишь зло усмехнулся.

Мне было до фонаря, по каким тогда соображениям девчонка из библиотеки, с которой у нас хронически не задавалось все с самого начала, решила на лобызания со мной. На причины было откровенно плевать. Важно, что она сама раздраконила меня, сама же нашла способ и успокоить.

Хоть не упокоить, и на том спасибо.

Странным оказался момент, когда я посчитал, будто мою силу угомонил ведьминский резерв, совершенно беспроса выпитый мной, но текущая заглатываемая энергия ведьмочек никаким образом не привлекала родовую магию. Она ей давилась, плевалась и отправляла назад.

Так не хотелось думать в ту сторону, но мысли вольно-невольно шли к тому, что среди множества ведьм мое нутро выбрало самую неправильную. Ужасно неподходящую лично мне и каким-то невероятным способом удовлетворяющую родовую силу.

Ачешуеть, даже в этом у меня конфликт с родом!

Внимание с магии перескочило на письмо от отца. Поверх стандартного приглашения его рукой была выписана ещё одна фраза. Фраза, которая взорвала во мне давно тлеющий боевой снаряд.

"Об освобождении от практики я уже договорился. Целую, папа".

Аррррр!..

Мой кулак впечатался в защищённую чарами домовых стену.

Отец меня переиграл. Сам я планировал ещё перед выпускной зачётной неделей напроситься в разведку в земли Пустоши, чтобы тут же сдать все обязательные экзамены экстерном и свалить в горячую точку. Одну, вторую, третью... Уж лучше достойно жить с возможностью погибнуть в лапах самых жутких тварей, чем служить кормом и шутком для Сиолы и ее семьи.

Но отец договорился!..

Договорился?! И это в Магической академии прикладных дисциплин при Совете Верховных?!

Бесит! Бесит! Как же меня это все бесит!

– Рик! – ещё один оклик от сосредоточено глядящего на меня Дюка.

– Гав! – пролаял я, ощущая себя дворовым псом на родовой цепи.

– Ты, наверняка, заметил и сам... Следующая дверь слева... Да-да, вот эта в конце коридора... Там живёт та самая ведьма.

Я ругнулся, уже догоняя, куда привело меня мое внутреннее состояние нестояния и чем сейчас продолжится нагнетающийся сюжет данной ночи.

– Дерзай, мужик! – приятельская рука поддерживающе хлопнула меня по спине и тут же убралась прочь. – Ни одного лишнего слова! И вообще лучше сразу хватай ведьму и

крепко-накрепко запечатывай ей рот, с ее-то способностями к словообразованию и повелению!..

Я отмолчался, тупо пялясь на знакомую дверь.

Лишь дождавшись, когда в конце коридора стихнут шаги Дюка, вздохнул-выдохнул и постучался.

Ответа не было.

Я постучался снова и стучался до тех пор, пока одна за-
спанная и весьма недовольная ведьма не соизволила-таки
мне открыть.

Правда вместе с открытой дверью из ведьмы полез истинно
ведьминский характер, и в какой-то момент я уже даже
попрощался со своей так и не состоявшейся по моему плану
жизнью.

Благо в мозгах у девчонки была не одна только ненависть
к магам, природные вредность и мстительность. Там ещё об-
наружилась и капля здравомыслия. Хвала Великой Степи,
ее хватило на кардинальную смену курса поведения упертой
ведьмы. В итоге, под громогласный рык домовика она сда-
лась на милость ситуации и зашвырнула себя в мои желания.

И была буря... Тайфун, торнадо и все стихийные бедствия
разом.

Меня перемолотило, затопило и вышвырнуло...

А я был счастлив, что остался жив.

Я был так восхитительно поражен результатом, что меня
не смутила даже с грохотом захлопнутая перед самым ари-

стократическим носом дверь.

Плевать.

Я остался не только жив, но ещё и прошел испытание родовой силой.

Инициация состоялась, и все магические плетения встали на свои места.

Я был практически свободен. Ибо сейчас сделал то, что считалось невозможным без поддержки рода. Я принял, впитал и самостоятельно выстроил все энергетические конструкторы без вмешательства и содействия семьи. Теперь их влияние на меня было весьма относительным. Теоретически.

На деле же мне предстояло это еще проверить.

Глава 11. Малина Стэр

С утра значилась пара лекций по общим вопросам хирургии. Тоска смертная, хоть сейчас на грани предков отправляйся.

А я ещё и после ночного дежурства пришла, сразу же из медкорпуса...

Попадос полный.

Профессор Аэми была дамой монументальной, весьма начитанной, определенно высококвалифицированным специалистом, вот только до странного сдержанной в передаче информации. На любой вопрос она, как правило, отвечала пространными рассуждениями ни о чем и завершала свою мало помогающую речь призывом на очередной спецкурс, где интересующие нас сведения будут представлены в самом широком и разноплановом ключе.

Я, кстати, пару раз покупалась на ее завлекающие речи и, не смотря на и без того плотную занятость, шла-таки в поздневечерние часы и исправно слушала наобещавшего золотые горы преподавателя. И каждый раз уходила злая, голодная и разочарованная. Аэми старым пауком-гобсеком чахла над своими информационными богатствами, крайне по-скупердяйски отказываясь делиться знаниями с подопечными ей студентами.

Вот и сегодня, обсуждая второй час современное состоя-

ние и перспективы регионарной анестезии, я не узнала ровным счётом ничего нового. Ни-че-го.

Два часа жизни просто впустую!

Жалкое зрелище и крайне неэффективный способ познания бытия.

После общих вопросов хирургии была сдвоенная лекция по кардиохирургии. Ее нам читал мелкий, сморщенный и ужасно вредный профессор Глэдимс. По своей вредности он, как мне кажется, превосходил всех ведьм вместе взятых. И нос у него был длинный, тонкий, крючкообразный, такой в каждую щель от любопытства залезет и в каждую деталь обязательно дотошно сунется.

– Давайте вспомним, что мы знаем о кардиоплегии, – голос у профессора при всей его ничтожной фигуре был под стать носу – весьма выдающийся и хорошо поставленный. – Ответит нам... Ответит нам... Госпожа Эстес?

Наша отличница и первая красавица потока гордо и независимо поднялась с первого ряда, отставила ножку в черных лаковых туфлях в сторону и ярко-красными губами отчеканила:

– Кардиоплегией мы называем комплексные меры по защите миокарда в период основного этапа кардиохирургического вмешательства.

Профессор одобрительно кивнул, повелительным движением руки разрешил Эстес вернуться на место и задал следующий расстрельный вопрос:

– Какие практические меры следует соблюдать при проведении кардиоплегии? Рату?

На третьем ряду поднялась Клаисса Рату, рыжая, что солнце на закате, девушка, отчаянно стеснительная и профессора Глэдимса опасаящаяся до заикания. По крайней мере, именно этим закончился на первом курсе ее экзамен по общей хирургии, который мы сдавали все тому же Глэдимсу.

– После того, как пережали аорту... – с тихой обреченностью начала отвечать Клаисса...

– Мы Вас не слышим, Рату. Найдите в себе силы говорить громче и чётче!

До этого момента свободно прохаживающийся по аудитории профессор вдруг подошёл в плотную к девушке и замер ровно напротив нее.

Ой, бедняга Клаисса...

– П-ппосле того, к-кааак пппережали аорту, н-нннеобходимо обождать не-не... некоторое... время прежде, чем начинать к-кккардиоплегию.

– Некоторое время, студентка Рату, это сколько?

– Н-нннуу... от пары минут и... больше... – неуверенно произнесла Клаисса.

– И как же Вы поймёте, что выждали достаточно? – профессор не насмеялся в открытую, но его голос был полон ядовитого сарказма.

– Эммм... – слегка краснея, одгруппница растерянно пожала плечами.

– Плохо, госпожа Рату, крайне плохо. Совершенно забыли первый курс наших занятий. К следующей встрече Вы подготовите доклад по теме кардиоплегии и истории ее применения в современном мире.

Клаисса понятливо кивнула и, наконец-то, убралась подалеже от прямого давящего профессорского взгляда.

– Стэр! – Я оторвалась от листания конспекта. – Продолжите ответ студентки Рату.

Свезло же мне сегодня...

Я поднялась неспеша и начала методично рапортовать, ничего хорошего от своего ответа в общем-то не ожидая.

Отпустил бы без дополнительного задания зануда Глэдимс, а то ещё отхвачу доклад или эссе, а мне и без того покой только снится: после учебы иду на работу в библиотеку, а потом на очередное ночное дежурство в медкорпусе, за него я двойную оплату получаю.

– Пережали аорту, ждём, пока не опорожнится сердце, только после этого переходим к кардиоплегии. Следим за тем, чтобы притекающей по легочным и другим венам крови не было в сердце, а, значит, контролируем дренирование левого предсердия и при необходимости эвакуируем кровь, используя аппаратный отсос или магически выстроенные каналы. Обязательное условие – содержание сердца в состоянии равномерного охлаждения, обеспечиваем это либо собственными силами, либо сторонними материалами, например, посредством его обкладывания кашицеобразным льдом

или орошения капельным методом.

– Для чего нужны все эти трепыхания? – очередная проверка на вшивость.

– Нам важно остановить деятельность сердца, обратимо "парализовав" электромеханическую активность миокарда и создав обескровленное, "сухое" операционное поле, либо искусственно через введение в систему коронарных сосудов спецрастворов, либо благодаря магическому воздействию, и все для того, чтобы минимизировать риски ишемического и реперфузионного повреждения миокарда во время основного этапа операции.

– А зачем вообще прибегать к асистолии?

– Нууу... Эммм...

– Нууу... Эммм... – коверкая мою речь, передразнил меня профессор. – Отвечайте на поставленный вопрос, студентка Стэр!

Вот же привязался, вурдалак твердокаменный!

– Асистолия значительно снижает потребность в кислороде и энергетических субстратах.

– Сойдёт, – остановил мой ответ профессор Глэдимс.

Вот он частенько так! Как обозначить нашу недостаточную сведущность – это пожалуйста, ему за радость сказать гадость, а как отметить успехи – "сойдёт".

– Записываем! – голос зануды Глэдимса понесся среди рядов необразованных студизусов. – В современном мире наиболее широкое применение получили следующие виды

кардиоплегии...

***

– Свят, свят, свят, – в едином порыве мы вылетели после лекции по кардиохирургии и напрямиком направились в столовую.

Вернее, туда направились мои одноклассники, я же двинула на службу в библиотеку. А обед мне обещалась доставить прямо на трудовой пост домовушка тетка Ыгая.

– Ты сегодня до конца с нами? – вместо приветствия поинтересовалась смотрительница библиотеки Нирочка.

– И наше Вам с кисточкой, с пальцем и с огурцом, – утвердительно кивнув, припомнила я приветствие древних.

Нирочка раритет весьма уважала и потому особенно трогательно к нему относилась.

– Только не надо за огурцы! – на удивление мне возмущённо прошипела смотрительница. – Я сегодня даже позавтракать не успела, пока своих сорванцов собирала, ни минуты о себе подумать не нашла. А голод, сама понимаешь, – не тетка, пирожка не поднесет.

– Ну мы – не голод, мы к Вам с обедом, – в радостном предвкушении столованья, организованного заботливой домовушкой, громко произнесла я.

– В то, что ты с обеда, я уже поняла, вон как сияешь сытой мордой. Не раздражай, болезная, а то я когда голодная,

страсть какая недобросердечная.

– Только не надо за сердце! – воскликнула уже я с теми же интонациями, что и смотрительница библиотеки минутой ранее. – Мне сердечности и от профессора Глэдимса досталось по самую маковку. А то, что ты голодна, я ещё с порога заметила. То-то глаза так алчно меня взглядом окинули!

– Да кому ты нужна, скелет в одежках! Было б чего с тебя взять! Я на тебя так посмотрела, потому как слухи по академии расползаются, будто ходят в твою комнату ночами одни адиозные личности.

– В мою комнату ночами только одни грандиозные личности ходят – это я, я и ещё раз я. Нирочка, ты совсем с голодухи маешься, уже и слухами подпитываться начала?

– Э неее, фитюлька ты горемычная!.. А ну говори, на какой ляд ты с этим бешеным связалась? – милая Нирочка в сердитом настроении никогда на слова не скупилась, только на комплименты.

Нет, Нирочка в общем-то в принципе никогда не скупилась, она была дамой великодушной и безвозмездной, но в сердитом состоянии особенно.

– Да про что речь? – над головоломками Нирочки я сейчас не готова была изощряться, мне головомойки у Глэдимса хватило.

– Вот вечно ты так! – обвинительный палец уткнулся мне в переносицу. – Я к тебе – с прямым разговором, а ты – косыми зигзагами в кусты.

– Знаешь, моя дорогая, давай мы все же сначала поедим, там и тетка Ыгая уже расстаралась, а после, на сытые нервы, обсудим всех одиозно-грандиозных личностей, которые об мою комнату свои фигуры обтирают.

И взяв под приятно объемные локотки эту милую женщину, я увела ее в чайную комнату, выставив сигнальный звонок на стойку с формулярами.

– Ну! – громыхнула Нирочка, когда все нужные складочки ее пищевода, желудка и кишечника были до состояния благой пресыщенности заполнены перевариваемой пищей.

– Что "ну"? – Когда я сытая – я сушая флегма, и никакие любопытствующие смотрительницы библиотеки своим нуканием не способны вывести меня из состояния абсолютно невозмутимого равновесия.

– Ма-ли-на! – прорычала коллега.

– Тю! – не сдавалась я. – А говорила, что когда голодная, страсть какая недобросердечная!.. Да ты и сытая не особо приветливая.

– Я этого и не отрицала, – улыбнулась хищным оскалом Нирочка.

И я все поняла!

Поняла так кристально ясно, что стало невероятно страшно.

Жутко-жутко страшно!

Нет беды страшнее, чем неудовлетворенная женщина!

Нет, и никогда не будет!

Такая вот, с оскалом похуже любой твари Пустоши, пустит под откос все: стремления, рабочие отношения, эфирные ценности, государственные устои – лишь бы только знать, почувствовать наверняка и быть оттого удовлетворенной.

Правда и это состояние не гарантирует безопасности от женского любопытства.

Мне сейчас нужно было либо тикать отсюда, и желательно подальше, либо колоться.

Тикать было можно, но сложно, в силу рабочих обязательств, а вот колоться не хотелось никак, там же сто тысяч вопросов последуют и в два раза больше предположений, одно страшнее другого.

В общем, по-моему, выбор стал очевиден...

Глава 12. Малина Стэр

– Стоять! – коварная Нирочка пресекла мои действия прежде, чем они смогли осуществиться.

Я обернулся со взглядом святейшей невинности и с невозмутимым лицом принялась собирать посуду после нашего трапезничания.

Тут же подскачила сердобольная тетка Ыгая, повыхватывала у меня все черепки и столовые предметы, и я опять осталась гол, как сокол, перед алчащим взором смотрительницы библиотеки.

Великая Степь, создательница и благодетельница ты всех живых и падших, не дай пропасть так глупо и обидно!

– Линка, – по которому кругу начала свою требовательную песнь Нирочка, – ты когда на работу в библиотеку пришла устраиваться, кто тебе помог?

– Волей Великой Степи все сладилось, – смиренно и с огромнейшим благоговением в голосе проговорила я, точно зная, что против святыни моя коллега ни в жизнь ничего уничижительного не скажет: Великая Степь – это Великая Степь для каждого жителя нашего континента.

– Истины слова твои, – подхватила с завидным послушанием смотрительница. Склонила голову в уважительном поклоне к высшим силам и материям, о чем-то своем задумалась, пошептала и распрямилась.

Нефритовый взгляд из мягко-покорного со скоростью мгновения перешёл в пронзительно-острый.

– А когда твоя соседка, школопендра белобрысая, тебе все вещи до единой попортила и на общее ухихикивание выставила, кто тебе плечо помощи подставил?

– Волей Великой Степи ко мне многие с добром повернулись: домовики, домовушки, да чего уж говорить, весь светлый народ за меня встал, даже магини с чистыми помыслами нашлись...

– Да с душонкой мстительной они нашлись, а не чистыми помыслами, – тут же включилась в предложенный мной разговор коллега.

– Чистые помыслы честной мести не помеха, – я продолжала рассуждать вслух о других, потому как про них говорить завсегда проще, нежели свою фигуру рассматривать.

– А помнишь, как...

Вопрос смотрительницы прервал звонок моего телефона. Я бросила беглый взгляд на экран и, не раздумывая, ответила:

– Привет, Белка! Что-то случилось?

– Линка! Линка, ты можешь срочно-срочно прибыть в медкорпус?

Я бросила вопрошающий взгляд на смотрительницу библиотеки, и Нирочка тут же одобрительно кивнула, уж что-то, а в вопросах выживания она была непреклонна и на неурочные вызовы меня всегда отпускала, не смотря на ка-

кие-либо споры и разногласия.

– Через десять минут буду, – проговорила я, на ходу подхватывая пальто и быстрым шагом направляясь к выходу.

– Поспеши, Линочка! – всхлипнула Белка, и я совсем насторожилась.

– Хорошая моя, – начала я осторожно, как с маленьким сильно испуганным ребенком, – расскажи мне подробнее, что у вас произошло?

– Мастер Йекуто... На учениях пятикурсников он попал в лапы к гриомушам...

– Заразился? – спросила я сразу же о главном.

С гриомушами откладывать что-либо на потом нельзя, очень уж коварно устроенные твари.

Если мужчина заразился, а гриомуши для мужчин более опасны, чем для женщин, по крайней мере, в том, что у них мутационный период сильно короче, и, значит, действовать необходимо не просто срочно, счёт идет на минуты, иначе...

– Уже обернулся... – совершенно выцветшим голосом тихо-тихо пробормотала Белка.

– Сколько пострадавших? – я уже неслась на полном ходу, лихорадочно вспоминая весь обязательный курс правил безопасности при работе с заражёнными гриомушами.

– Вся дежурная группа... Они отвлеклись от него, сразу же не проверили степень заражения... И... – девушка на том конце связи горько-горько заплакала.

– Белка, я уже рядом, слышишь, славная моя? Я уже в двух

минутах... Ты спряталась? Он тебя не тронул?

Это было важным вопросом, потому как мне сейчас либо в срочном порядке предстояло спасти Белку, либо идти обезвреживать заражённого мастера Йекуто, ему-то в принципе вся очередность до фонаря, раз оборот уже произошёл. Успеть бы уложиться в отведенные ему природой три-четыре часа.

– У меня только царапина, – сквозь слезы расслышала я. – Лёгкая царапина, и я пока контролирую процесс заражения. Сдерживаю его в верхних кожных покровах.

– Охранный контур среагировал вовремя? – для форс-мажорных ситуаций в медкорпусе были предусмотрены защитные разделительные экраны, мало ли вирус какой попадетсЯ или бешенством страдающий маг на больничной койке окажется.

– Да, я успела активировать красный код. Сообщение в ректорат уже отправили. Пострадавших эвакуировали и доступ к ним ограничили. Просто сейчас здесь нет ни одного опытного специалиста, кто бы раньше имел дело с гриоумшами...

А я имела с ними дело. Не хотела бы, но имела.

– Спаси его, Линка! – завывла напарница. – Умоляю тебя, Лин, спаси Йекуто!

– Бел... – растеряно проговорила я, даже и не подозревая ранее, что Белке так дорог мастер боевых искусств.

Она же тихая, скромная, стеснительная... в обычной жиз-

ни. За пределами операционной. Однако, в стиральной зоне с микроскопом перед глазами это опытный, серьезный и даже ушлый специалист с громким именем. Уже громким именем.

Эх ты, Белка-Белка!..

И я от души улыбнулась.

Приятно, всё-таки, когда в жизни случается счастье.

А то, что все у этих двоих может сложиться замечательным образом, я была абсолютно уверена! И здесь даже бабкины прорицательские способности были не при чем.

Хотя неуверенной ведьме в нашей профессии и делать-то нечего, поэтому абсолютная уверенность возможно есть отголосок профдеформации? Как-то не в ту степь меня завели мои ментальные потуги...

Надо будет Белку обязательно растрясти на историю ее знакомства и сближения с мастером Йекуто, конечно, если последнее вообще имело место быть, а то с младшей госпожи Лаши станется и ее влюбленность окажется односторонней.

Однако, и это не станет для нас преградой. Для истиной любви вообще преград не существует. Уверена, мои родители и на гранях предков смотрят друг на друга ласковыми глазами, любуясь каждым движением, каждым проявлением друг друга, и, если даже они сердятся на друг дружку, то непременно с любовью. Это ведь базовое чувство в их отношениях.

...Белка в очередной раз многоступенчато всхлипнула, и

я очнулась от фантазии, умчавшей меня в уютные миры на гранях предков.

Я заверила подругу, что сделаю все, чтобы мастер Йеку-то жил долго и счастливо, а также шутливо напутствовала зеленоглазую девчонку набираться храбрости и пользоваться удачным моментом, пока такой нужный мужчина сам свалился в ее жаждущие руки.

Уже подбегая к медкорпусу, я проверяла по ходу дела, как сработала система защиты. Металлические жалюзи сковали стальным панцирем окна и двери, и теперь войти можно было, только введя спецкод в электронном замке у главного входа и пройдя идентификацию личности по ауре.

Вокруг здания гудела предупреждающая сигналка и красными всполохами раскрашивала серые стены больницы. Сейчас к ней могут приблизиться только сотрудники с предоставленным спецпропуском, студенты же или преподаватели, данные которых не были внесены в экстренные списки, остаются за пределами магически наведенного защитного контура.

В целом, зевак собралось уже не мало, но шоу сегодня не будет. Слово ведьмы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.